

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Галина Куликова

БАНАНОВОЕ
УБИЙСТВО

КЛУБНИЧНОЕ
УБИЙСТВО

Двойной смешной детектив

Галина Куликова

**Банановое убийство.
Клубничное убийство**

«ЭКСМО»

2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Куликова Г. М.

Банановое убийство. Клубничное убийство / Г. М. Куликова —
«Эксмо», 2014 — (Двойной смешной детектив)

ISBN 978-5-04-197018-5

«Банановое убийство» В квартире, возле которой найден труп неизвестного мужчины, проживает занятный тип: нелюдимый, циничный, неприветливый... Да, Сильвестр Бессонов обладает кучей недостатков, но именно его аналитический ум помогает сдвинуть расследование с мертвой точки. Сильвестр уверен: погибший вовсе не поскользнулся на банановой кожуре! И убийца не собирается останавливаться. У него изощренная фантазия, и на месте каждого следующего преступления в качестве визитной карточки он оставляет связку бананов... «Клубничное убийство» Сильвестр Бессонов свой талант сыщика не афиширует, но новое дело само идет ему в руки. В редакции глянцевого журнала, с которым сотрудничает Сильвестр, происходит серия жестоких убийств. Все их связывает между собой изображение клубники. Расследовать преступление в гламурной среде – все равно что гулять по минному полю: под подозрением оказываются то знаменитый фотограф, то известный на весь мир актер. Но для Сильвестра не существует авторитетов, и он бестрепетно вступает в игру...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-197018-5

© Куликова Г. М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Банановое убийство	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Галина Куликова

Банановое убийство; Клубничное убийство

© Куликова Г. М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Банановое убийство

Автор выражает признательность за оказанную помощь Олегу Владимировичу Шакотько, оперуполномоченному ОВД Северное Бутово УВД ЮЗАО г. Москвы,

Вере Романовне Тринько, врачу высшей категории, сотруднику Института аллергологии и клинической иммунологии

Когда долго живешь на одном месте, в одной и той же комнате и видишь одних и тех же людей, которых сам выбрал себе в друзья, то мир кажется очень простым. Но едва выедешь из дому – все делается чересчур уж разнообразным.

Евгений Шварц. Тень

Глава 1

– Ладно, заходите. Что с вами поделаешь? – вздохнула девица, открывшая дверь квартиры номер девятнадцать. – А у вас дома есть животные? Ну, там, кошка или собака?

У нее были пытливые зеленые глаза, которые притягивали к себе взгляд и мешали рассмотреть все остальное. Впрочем, Стас Половцев все-таки успел заметить, что «все остальное» выглядит весьма неплохо.

– Нет, – ответил он. Вопрос был странным, но он решил не обращать внимания. – Ни кошек, ни собак у меня нет. Тараканы есть, врать не стану. Но я их специально не прикармливаю, поэтому не знаю, можно ли считать их домашними животными. А что, это важно?

– Да, важно, – язвительно ответила девица. – Для Сильвестра Семеновича очень важно.

От ее тона у обычного человека наверняка засосало бы под ложечкой. Стас только ухмыльнулся.

Она позволила старшему лейтенанту войти в коридор и велела подождать. Развернулась на сто восемьдесят градусов, прошлепала босыми ногами по линолеуму и скрылась за углом. Тонкие лодыжки и розовые пятки некоторое время стояли перед его мысленным взором. Еще предстоит выяснить, кто она такая, эта зеленоглазая. Официально здесь прописан только Сильвестр Бессонов, сорокалетний холостяк, о котором местный участковый не мог сказать ничего определенного. Пока соседи не порассказали много чего.

Портрет получился не слишком привлекательный. По их словам выходило, что этот самый Сильвестр весьма неприятный тип. Неприветливый и циничный. Дружбу с соседями не водит, в квартиру к себе никого не пускает, да и сам показывается чрезвычайно редко. Однако, коль скоро неподалеку от лестничной площадки, куда выходила дверь и этой квартиры тоже, прямо на ступеньках, обнаружили труп, Стасу необходимо было поговорить со всеми жильцами без исключения. В том числе и с неприветливыми.

Он переступил с ноги на ногу и почувствовал, как под подошвами чавкнуло. Посмотрел вниз и увидел, что стоит на большом коврике, застеленном мокрой тряпкой. Тряпка была ярко-розовая, девственно-чистая и напоминала вещи, в которые одевают младенцев. Его ботинки оставили на ней некрасивые рифленые следы. Стас неопределенно хмыкнул и тут услышал приглушенный мужской голос. В голосе ощущалось неподдельное раздражение.

– Ты что, разрешила ему войти в квартиру?!

– Это оперативник из службы криминальной милиции, – шепотом ответила девица. – Он показал удостоверение. Если я его не пушу, он отправится за подкреплением.

Стас снова хмыкнул, рассчитывая, что его услышат. Одновременно он оглядывался по сторонам, пытаясь составить впечатление о квартире. Вернее, о коридоре, который был длинным, широким и практически пустым. Кроме двух ламп на потолке, привинченного к стене зеркала и узкого шкафа здесь была только невысокая тумбочка, на которой лежал женский зонтик. Ни расчески, ни флакона туалетной воды, ни квитанции за квартиру, прижатой связкой ключей, – ничего такого не наблюдалось. «Педант проклятый», – подумал Стас неприязненно. В его понимании слово «педант» имело ярко выраженный ругательный оттенок. Педантом они с ребятами называли Сашку Бутова. У Саши в шкафу был припрятан старый носок, которым он время от времени протирал свой рабочий стол.

– Он врет, что у него нет домашних животных, – не сдавался между тем противный Сильвестр. – Я даже отсюда чувствую, как от этого оперативника несет псиной.

– Мне кажется, это его собственный запах, – мрачно заметила девица.

Стас опустил голову и понюхал свою рубашку, черную и довольно мятую. Он не помнил, когда эта вещь в последний раз побывала в стирке. Забавно, на что люди обращают внимание.

Он уже терял терпение и готов был подать голос, чтобы прервать дурацкое перешептывание, но тут раздались шаги, и в конце коридора возник Сильвестр Семенович собственной персоной. Стас ожидал увидеть нечто тощее, сутулое и очкастое, облаченное в тренировочные штаны и замшевые тапки, однако расчеты его не оправдались. Бессонов оказался подтянутым и широкоплечим, а одет был в светлые брюки и футболку. Еще он мог похвастать королевской осанкой, из-за которой казался выше, чем был на самом деле. «Примерно метр семьдесят пять, – прикинул Стас. – Под восемьдесят килограммов. Если схватимся, я его, конечно, завалю. Хотя это будет и непросто».

Вряд ли Сильвестр когда-нибудь жаловался на свою внешность. Высокий лоб, широкие скулы и прекрасный рот – нижняя губа прямая, а верхняя причудливо вырезана. Подбородок словно намеренно утяжелен с целью придать всему облику основательность. Однако глаза всю эту красоту решительно перечеркивали. В них было столько яда, иронии и дерзости, что хотелось немедленно принять вызов.

Складывалось впечатление, что господь бог создавал лидера, образец для подражания, эталон, наградил этот эталон выразительными чертами, красиво насадил голову на плечи, а потом взял и испортил ему характер. Пошутил, одним словом.

– Бессонов, – коротко представился Сильвестр. – Полагаю, вы насчет трупа.

– Точно, – подтвердил Стас, решив во что бы то ни стало расположить к себе девицу, которая вышла вперед и теперь загромождала собой хозяина дома с таким видом, словно защищала котенка. – А вы, девушка... Вы здесь в гостях? – спросил он.

Пусть лучше сама все расскажет. Еще до того, как он перепишет ее паспортные данные. Может быть, не стоило называть ее девушкой? На его взгляд, ей лет двадцать пять. А может быть, и все тридцать. Несмотря на опыт, возраст современных девиц, которые активно изводили морщины и укрепляли задницы, Стас угадывал не всегда.

– Майя Долинина, – представилась она. – Я помогаю Сильвестру Семеновичу.

Помогает она... Знаем мы, как они помогают. С такой-то фигурой...

– По хозяйству? – уточнил Стас. – Или по работе?

– По жизни, – коротко ответил Бессонов и пошевелил ноздрями. – Слушайте, что за дрянь вы курите?

Нос у него был крупный, с широкими ноздрями – трепетными, как у животного, которому нюх помогает выжить.

– Какая разница, – невежливо ответил Стас. – У вас ведь все равно курить нельзя.

Он даже не спрашивал, а утверждал. Человек, у которого перед дверью лежит розовая тряпка, вряд ли позволит ему поднять даже на кухне. Стас с раскаянием вспомнил, что вчера ночью у себя дома засовывал окурки в стакан с остатками пива. Теперь занавески наверняка будут вонять мокрыми окурками. И хлеб, который он оставил на столе, тоже будет вонять. Все будет вонять мокрыми окурками.

Сильвестр тем временем коротко предложил:

– Проходите. Хотите водки?

– Я на службе, – неприязненно ответил Стас.

– Тогда я налью вам чаю.

Пить чай в такую жару казалось Стасу идиотизмом. Впрочем, он вполне мог опрокинуть чашечку – в интересах дела. Девица, то есть Майя Долинина, смотрела на него из-под острых ресниц с некоторой опаской. Как будто он мог неожиданно выкинуть какой-нибудь фортель.

– Да, я хочу чаю, – агрессивно заявил Половцев и протиснулся на кухню, опередив хозяйку.

На кухне было так чисто, будто здесь орудовал целый взвод Золушек. Кастрюли стояли «по росту», подвешенные за ушки сковородки блестели маленькими солнышками, полотенце расправлено на перекладине, подобно стягу небольшого, но гордого корабля. На белый, как кусок

пломбира, холодильник было больно смотреть. Впрочем, имелась здесь одна вещь, которая не вписывалась в интерьер и сразу бросалась в глаза. Станный агрегат на подоконнике, от которого к розетке тянулся толстый шнур. Агрегат гудел.

– А это что у вас такое? – тотчас спросил бдительный старший лейтенант.

– Очиститель воздуха, – ответила Майя. – У Сильвестра Семеновича аллергия на домашнюю пыль. Ему приходится быть очень осторожным, чтобы не спровоцировать приступ.

– Вы поэтому спрашивали меня про животных? – сообразил Стас. Обернулся к хозяину и уточнил: – У вас и на шерсть аллергия?

– Это имеет какое-то отношение к убийству? – холодно парировал Сильвестр.

Стас Половцев оперся руками о стол и осторожно сел. Как будто резкое движение могло спугнуть только что произнесенную фразу. А та возьмет, выпорхнет в форточку и растворится в пространстве.

– Почему вы решили, что это было убийство? – спокойно уточнил он, донеся зад до табуретки и благополучно утвердившись на ней.

По правде сказать, все выглядело как настоящий несчастный случай. Труп лежал на лестнице весьма мирно – ногами вниз, так, будто мужчина спускался на первый этаж пешком. Рядом валялась раздавленная банановая кожура – темно-желтая, с коричневыми крапинками. К подошве правого башмака жертвы прилипла янтарная банановая мякоть. Вероятно, бедняга наступил на банановую шкурку, упал и очень неудачно приземлился черепушкой на ребро ступеньки. Фатальное невезение.

– Почему вы решили, что это убийство? – Стас посмотрел Бессонову прямо в лицо.

Может быть, у кого-то глаза и являются зеркалом души. Однако у этого типа вместо зеркала была пучина. Даже легкой ряби не появилось на поверхности.

– Полагаете, это я его кокнул? – криво улыбнулся Сильвестр. Поставил перед старшим лейтенантом обещанную чашку чая и уселся напротив.

Майя остановилась в дверях, сцепив руки в замок. Стас посмотрел на нее пристально. Невысокая и стройная, производит впечатление человека, крепко стоящего на ногах. Глаза, как он уже заметил раньше, отчаянно зеленые. Еще у нее был большой рот с родинкой над верхней губой и волосы до плеч, весело завивавшиеся на концах. Завершал картину курносый, воинственно вздернутый нос, выданный, вероятно, в придачу к бойкому характеру.

Стас любил высоких глянцевого женщин с томными манерами. Запахом их духов были отмечены лучшие дни его жизни. Но теперь он должен был признать, что зеленоглазая произвела на него сильное впечатление. Впрочем, по его лицу нельзя было ни о чем догадаться.

Небритое и помятое, оно могло бы привлечь даму, пожалуй, только энергией. Однако сегодня был плохой день, энергия отсутствовала, а глаза напоминали глаза селедки, залежавшейся в рассоле.

– Я видел тело, – признался между тем Сильвестр. – Полагаю, это типичный криминальный фокус. Убийство, замаскированное под самоубийство.

Он разговаривал низким голосом. Но на вкус Стаса, обертон был какой-то слишком уж скрипучий. Пожалуй, такой голос ни с чем не спутаешь.

– При удачном для преступника стечении обстоятельств, – продолжал между тем его обладатель, – следов борьбы на теле не обнаружится. Вероятно, тут сыграл роль фактор внезапности. Вряд ли этот парень ожидал нападения на лестнице. Кстати, вы уже выяснили, кто он такой? Ну, тот, кто умер?

– Его фамилия Фофанов, – без колебаний сообщил Стас. – Андрей Фофанов. Никогда не слышали?

– Нет. – Его собеседник пожал плечами и обернулся к Майе. Та молча покачала головой. Дескать, тоже не слышала.

– Когда мы его нашли, он уже не дышал, – неожиданно добавила она. – Не слишком приятное зрелище.

– Так это вы его нашли? – Стас подобрался на своей табуретке и высоко поднял брови. – Интересно. А по моей информации, его обнаружил ваш сосед из двадцатой квартиры.

Старший лейтенант достал из кармана маленький блокнот, основательно послунывил палец, перелистнул несколько страниц и зачитал:

– Иван Петрович Чепукин.

– Некоторым нравится быть в центре внимания, – повел бровью Сильвестр. Бровь была довольно лохматой и, как и челка, не желала лежать прямо. – Вчера мне пришлось выйти из дома. По делам. На обратном пути я наткнулся на труп. Вернее, мы наткнулись, – поправился он, зыркнув в сторону своей помощницы.

– Ходите пешком на шестой этаж. Это вы так тренируетесь, что ли? – уточнил Стас, сообразив, что напал на золотую жилу.

– Приходится ходить, – сварливо проговорил Сильвестр. – В лифте то и дело ездит всякая дрянь.

– Он имеет в виду собак, – подсказала Майя, решив, что, если старший лейтенант пользовался лифтом, он может обидеться.

– Разве ты работаешь у меня переводчицей? – не оборачиваясь, спросил ее босс.

В ответ Майя только фыркнула. Было непохоже, что замечание ее хоть как-то задело.

– Вы трогали тело? – задал следующий вопрос Стас, глядя на Бессонова в упор.

– Нет.

– Но ведь с лету нельзя было определить, труп перед вами или не труп. Пульс-то наверняка щупали.

– Не щупал. Только наклонился пониже, чтобы послушать дыхание.

– Вот если бы Чепукин его нашел, – встряла Майя, – уж он бы все пощупал. Поэтому вам радоваться надо, что это был именно Сильвестр Семенович.

– Я ужасно радуюсь, – заметил Стас, не отрывая взгляда от своего визави.

– Полагаю, вы силитесь понять, почему я решил, что вашего Фофанова убили?

Стас хотел было возразить, что это вовсе не «его Фофанов». Ему вообще не нравился менторский тон, который он обычно пресекал коротким ударом справа. Однако в данном случае выгоднее было промолчать, и он только хрюкнул, сделав большой глоток чая. Чай, кстати, был светло-желтый и горький. Гадость, а не чай. Даже странно, если учесть, что хозяин доставал его из очень красивой коробки. По всей видимости, это дорогая гадость.

Приняв молчание за знак согласия, Сильвестр между тем продолжал:

– На его лице я заметил следы побелки. А точнее, на правой скуле и на лбу под волосами.

– Представьте, что вы теряете равновесие на лестнице, – парировал Стас. – Хватаетесь руками за что попало. Стены в подъезде покрашены до половины, дальше все побелено. Вот он и...

– Я осмотрел его руки. На них не было и следа побелки.

– И что это, по-вашему, значит? – воинственно спросил лейтенант.

– Это значит, что убийца опирался рукой о стену и испачкался. Потом он сильно толкнул свою жертву. И сделал это вот так.

Сильвестр растопырил пальцы и приблизил их к самому носу оперативника. Как будто хотел положить раскрытую ладонь на его лицо. Тот даже не шевельнулся.

– Представляете, – продолжал Бессонов, – вы падаете с высоты собственного роста головой на бетонное ребро ступеньки.

– Очень хорошо представляю. Но это всего лишь ваши домыслы. Фофанова мог испачкать вовсе не убийца. Может быть, парень сам испачкался, когда только вошел в подъезд, потом достал платок, вытер руки и пошел дальше. А на лестнице лежала банановая кожа...

– Она там не лежала, – перебил его Сильвестр. – В том-то все и дело. Я думаю, преступник принес ее с собой. Сначала он убил Фофанова, разбив ему голову о ступеньку, и уже потом раздавил кожуру на каблуке его ботинка.

– Да с чего вы взяли?! – неожиданно для себя рассердился Стас.

Конечно, он тоже считал, что тут никакой не несчастный случай. Но в его распоряжении была интуиция, опиравшаяся на приличный опыт оперативной работы. А этот интеллигентишка сидит, сложив пальцы домиком, и профессорским тоном рассуждает о том, что было и чего не было.

– Я рассмотрел кожуру, – серьезно ответил интеллигентишка. – Я даже ее понюхал. Видите ли, у меня очень сильно развито обоняние.

Сильвестр снова пошевелил ноздрями, сведя брови к переносице. Вид у него сделался хищным.

– И чего вы там нанюхали? – не смог сдержать иронии Стас.

– К внутренней стороне кожуры прилипли крошки канифоли.

– А вы откуда знаете, что это канифоль?!

– У нее характерный резкий запах, его ни с чем не спутаешь.

Стас некоторое время смотрел на собеседника не моргая, потом перевел взгляд на Майю и тяжело бухнул:

– Вы тоже нюхали шкурку?

– Я – нет, – ответила она таким тоном, будто они говорили о том, пойдет ли вечером дождь.

Впрочем, может, Майя и в самом деле не испытывала никаких чувств. Судя по внешнему виду, ее не слишком волновало, о чем они тут беседуют. Она просто ждала, когда можно будет забрать своего драгоценного босса, увести в комнату и уложить на диван перед телевизором.

– Это точно была канифоль, – повторил Сильвестр. – Я осмотрел всю лестницу и нигде не нашел ни одной крупинки. Какой вывод?

– Какой? – тупо повторил Стас. Не потому, что не мог самостоятельно сделать вывод. Он сейчас просто не думал ни о каких выводах. Лишь неотрывно смотрел на сидящего напротив человека и пытался осмыслить, с кем столкнулся. Получается, этот тип, обнаружив на лестнице тело, присел на корточки или даже встал на четвереньки, после чего облазил и даже обнюхал все вокруг. Может быть, зеленоглазая тоже стояла на четвереньках.

Стас представил, как они вдвоем ходят вокруг трупa на четвереньках, и усмехнулся уголком рта.

– Вывод вот какой, – остро взглянул на него Сильвестр. – Кожуру убийца принес с собой. Она лежала в сумке, пакете или в коробке с остатками канифоли. Поэтому-то к коже и прилипла канифольная крошка. Здесь мы вступаем в область умозрительных заключений, – стал объяснять Сильвестр. – Прямых доказательств у меня, конечно, нет, но, похоже, банановая кожура и канифоль где-то в пространстве пересеклись. Ну допустим, в одном пакете, или конверте, или еще в каком-то замкнутом пространстве. Проще говоря, там, куда их поместил предполагаемый убийца или тот, кто готовил весь этот грустный спектакль.

– Может быть, эта кожура выпала у кого-то из помойного ведра, – возразил Стас.

– Исключено. Мусоропроводом, который находится между шестым и пятым этажом, пользуется только наша лестничная площадка. Майя не ест бананы, я – тем более. Чепукин из двадцатой тоже не ест. Он не раз говорил, что бананы похожи на мыло, а мыло едят только шизофреники.

– Почему шизофреники? – удивился Стас.

– В двадцать первой квартире живет одинокая бабушка, – не обращая внимания на его удивление, продолжал Сильвестр. – У нее едва хватает денег на хлеб, какие уж тут бананы! А жильцы двадцать второй уехали в отпуск.

Стас и сам знал про бабушку и про двадцать вторую. Но не собирался уступать.

– Может быть, какой-нибудь ребенок слопал банан и бросил шкурку на лестнице?

– А как на ней оказалась канифоль?

– Ну... Он сначала положил шкурку в пакет, где была канифоль, а потом передумал, вынул из пакета и бросил на пол.

– Скорее он выбросил бы кожуру вместе с пакетом, – тотчас ответил Сильвестр, глядя на старшего лейтенанта с некоторым сомнением. Может быть, сомневался в его умственных способностях? – В мусоропровод, который находится буквально в двух шагах. Если вы заметили, банан был перезрелый. Пакет наверняка испачкался. Логичнее было от него избавиться.

Стасу хотелось сказать, что все это ерунда, чистый домысел. Он никак не мог придумать ни одного достойного возражения. А соглашаться со штатским казалось ему унижительным.

– Мне понятен ход ваших мыслей, – наконец заключил он. – Почему вы не сообщили сразу же, что первым обнаружили тело?

– Состояние здоровья не позволяет мне отираться в подъездах, – повел бровью Сильвестр. – Там живут кошки и крысы. Да и что бы это изменило? Какая разница, кто его нашел?

– Ну это нам решать – какая разница, – раздраженно заметил Стас. – Вы ввели следствие в заблуждение.

По всей видимости, этому типу было все равно, ввел он следствие в заблуждение или нет. Высказав свои доводы, он уставился на Стаса с недовольным видом. Старшему лейтенанту очень хотелось поставить его на место, но он сдержался. Разборки еще будут, но не сейчас. Сейчас у него нет времени и настроения. Жуть как хотелось курить.

Перед тем как уйти, он выполнил необходимые формальности – выспросил и записал все, что хотел узнать о зеленоглазой. Или почти все. Двадцать восемь лет, разведена, детей нет, образование высшее филологическое. Он так сразу и понял, что высшее. Филология, блин. Стас не верил, что гуманитарное образование чего-нибудь стоит. Математика там, физика – да. А филология? Пять лет копать в языке, на котором разговариваешь с детства!

Пока он укладывал свой блокнот в карман, Бессонов несколько раз мокро чихнул и прогнусавил сквозь платок:

– Извините. Я бредубреждал, что у бедя аллергия.

Стас встал на ноги, тяжело двинув табуретку.

– И кем же вы работаете, – поинтересовался он напоследок, – с вашей аллергией? Кстати, версия с принесенной в сумке кожурой очень... впечатляющая.

– На самом деле подобный трюк с якобы поскользнувшимся на лестнице человеком провернул герой фильма «Мистер Смит отправляется в отпуск», – с неожиданным добродушием заметил Сильвестр, вытерев нос. – Только в кино убийца использовал не банан, а арбузную корку. В остальном все совпадает.

– Так что насчет вашей профессии? – переспросил Стас, демонстративно пропустив «мистера Смита» мимо ушей. – Кем вы работаете?

– Я критик, – спокойно ответил Сильвестр. – Рецензирую художественные фильмы для специализированных журналов.

Стас досадливо крикнул. Только этого ему не хватало. Кинокритик, словно гусь орехами, нашпигованный детективными сюжетами.

– Выходит, вы постоянно сидите дома и смотрите кино? – уточнил он на всякий случай.

– Преимущественно.

Сильвестр лгал. Он работал только дома, исключительно дома и нигде кроме дома. За дверью квартиры лежал недружелюбный мир, в котором жили кошки и птицы, обросшие шерстью и перьями, цвели деревья и травы, разбрасывающие пыльцу, летали смертоносные осы, строились автомобильные заправочные станции, воняющие бензином, и в каждом киоске про-

давались шоколадные батончики с арахисом, который мог убить Сильвестра вернее, чем банановая пуля.

Как только за старшим лейтенантом захлопнулась дверь, Бессонов повернулся к своей помощнице и писклявым голосом передразнил:

– «Когда мы его нашли, он уже не дышал!» Просили же тебя не высовываться. Нет, ей нужны лавры первооткрывателя трупов.

– Я не собираюсь скрывать информацию от властей, – отрезала Майя, двинувшись по коридору в сторону ванной комнаты.

– Полагаешь, к нам приходили власти? – скептически заметил Сильвестр.

– Какие-никакие. Кроме того, я их не боюсь. А вы ни в чем не виноваты. Поэтому вам тоже нечего бояться.

– Ха! Я нашел тело, и я рассказал этому типу, как все случилось на самом деле. Те две фасолины, которые вставлены в его башку вместо мозгов, вскоре решат, что я и есть преступник. Вот увидишь, меня заберут в ментовку, засунут в подвал и будут бить до тех пор, пока я во всем не признаюсь.

– Вы перебрали голливудских фильмов, – заметила Майя, открыв дверь в ванную комнату и пустив воду. – Может быть, стоит перейти на европейское кино?

– Лучше всего с Пьером Ришаром, – проворчал Сильвестр, наблюдая за тем, как она брызгает водой себе в лицо, а потом прикладывает к щекам полотенце.

– Я твердо убеждена, что за редким исключением в милиции работают честные люди, – с вызовом сказала Майя, вешая полотенце на собственный крючок.

– Твои убеждения почерпнуты из «Дяди Степы».

Сильвестр шагнул к двери, ведущей в кабинет, и пнул ее ногой. Дверь ударилась о стену. Он чертыхнулся, стремительно вошел, обогнул стол и уселся на диван. Схватил пульт от телевизора и принялся в задумчивости постукивать им по подбородку. В кабинете, как, впрочем, и во всей квартире, не было ковров, пледов, гобеленов и всего того, что Сильвестр называл пыле-сборниками. Легкое диванное покрывало постоянно простирывалось. Книги и коробки с фильмами тщательно пылесосились и протирались. Влажная уборка была ежедневным ритуалом, который выполнял приходящий уборщик Степан – мрачный, как замковый призрак.

Не прошло и минуты, а Майя уже возникла на пороге кабинета с изумленным видом:

– Кстати, босс. Что касается побелки и канифоли. И умного убийцы. Вы говорили это всерьез?

– Нет, я просто пошутил. Люблю шутить над трупами, – буркнул Сильвестр, не поворачивая головы.

– Удивительно. Но я ведь видела то же, что и вы, не больше и не меньше! Мы поднимаемся по лестнице, замечаем лежащего на ступеньках человека с разбитой головой и банановой шкуркой возле ботинка. Вы ненадолго склоняетесь над телом и убеждаетесь, что незнакомец мертв. Как по волшебству, появляется Чепукин, и вы велите ему вызвать милицию и «Скорую помощь».

– Ну и что?

– Вам хватило минуты на то, чтобы сделать целую кучу важных выводов! Я только сейчас поняла, насколько это поразительно.

– Когда опер, который только что ушел от нас, тоже это поймет, мне не поздоровится. Черт меня дернул за язык.

– Если бы у вас была информация... Ну, результаты экспертизы, показания свидетелей и все такое, вы запросто могли бы раскрыть это убийство.

– Послушай, Майя, – рассердился Сильвестр, – если ты забыла, Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и Ниро Вульф проживают за границей. А все отечественные сыщики сосредоточены на Петровке, 38. Они носят погоны и, когда приходится туго, вызывают подкрепление. Коллек-

тивный мозг, вытеснивший частных конкурентов. И вообще... Не нужно меня подбадривать. Я отлично чувствую себя в кресле с подголовником в окружении своих коробочек с фильмами.

– Вы способны на большее! – с горячностью заявила Майя.

– Безусловно. Скоро я стану самым выдающимся кинокритиком десятилетия. Нет, века.

– Не думаю. Я читала последний номер «Кинозала». Судя по вашей рецензии, самый заметный фильм года – «Моя большая кровавая свадьба».

– А что? Прелестная черная комедия про сбрендившую невесту.

– Да, а премия за лучший сценарий, по-вашему, достанется «Нападению свинокшек».

– Фантастический боевик о вторжении на Землю. Очень свежо. У сценариста невероятно богатая фантазия. Эти свинокшки проделывали такие вещи!

– Вы считаете, его действительно убили? – неожиданно вернулась к прежней теме Майя. – Этого... Как его там?

– Фофанова, – подсказал Сильвестр. – Откуда я могу знать? Просто я мыслил логически. Кстати, в нем было кое-что странное.

– В трупе?

– В трупе. Вернее, на нем.

Майя прикрыла глаза, пытаясь припомнить, что увидела тогда на лестнице. Что-что? Человека с разбитой головой. Разве можно было концентрироваться на каких-то деталях перед лицом такого несчастья? Все же она попыталась вспомнить, как выглядел Фофанов. Мужчина лет тридцати, светловолосый, в очках. Обыкновенные штаны, рубашка с короткими рукавами. Кажется, часы... Еще на ботинки она обратила внимание. Мягкие ботинки и раздавленная банановая кожура возле правой ноги. Вот, пожалуй, и все. Ничего странного уж точно.

– Не хочу больше об этом говорить, – резко заявил Сильвестр. – До тех пор, пока не вернется твой героический старший лейтенант.

– Почему это он мой? – обиделась Майя.

– Он положил на тебя глаз. И даже не спорь. Женщина, доказывающая, что не понравилась мужчине, выглядит дурой.

Глава 2

Старший лейтенант вернулся, когда его меньше всего ждали. На улице было темно, и озверевшие мотыльки колотились о стекло, рассчитывая покончить с собой под каким-нибудь симпатичным абажуром. Впрочем, окна в квартире номер девятнадцать закрывались наглухо, и у мотыльков не оставалось ни одного шанса.

За день Стас Половцев измялся и оброс щетиной так, что его утренний вид теперь казался бы парадным. Однако глубоко запавшие глаза блестели, как у агента 007, выполнившего задание и окрутившего очередную девушку.

– Я бы выпил чаю, не против? – заявил он вместо приветствия и демонстративно вытер ноги о мокрую тряпку.

Тряпку, кстати, уже сменили. Эта, вторая, была голубой и такой же девственно-чистой, как и первая.

– На кухню? – коротко спросил Стас у хозяина квартиры.

Тот стоял в коридоре со скептическим выражением на лице, а его помощница топталась рядом. На старшего лейтенанта она смотрела с опаской, как на огромную собаку, хозяин которой поклялся, что она добрая.

На этот раз оперативник вел себя гораздо свободнее, если не сказать наглее, чем в первый раз. Войдя в кухню, он уселся на прежнее место, повернулся боком к столу, спиной оперся о подоконник и весело спросил:

– Ну что? – Глядя, как Майя наливает в чайник воды, добавил: – Появилась задачка для ваших мозгов, Сильвестр.

Отчество «Семенович» он проглотил прямо на ходу, но его обладатель даже глазом не моргнул.

– Тут такое дело...

Стас полез в карман за своим блокнотом. Обложка прогнулась, как старый матрас, потому что на блокноте постоянно сидели. Он выудил откуда-то из середины фотографию, которую и бросил на стол. Вращаясь, фотография просвистела, словно фигурист по льду, и остановилась прямо перед Сильвестром. Тот сощурился, но в руки ее не взял. Майя, которая как раз ставила перед Стасом чайную пару, изо всех сил вытянула шею. Челка выпала из-за уха, и до старшего лейтенанта донесся тонкий, слабый запах ее волос.

– Не понимаю, что это такое, – признался Сильвестр, отодвинув от себя снимок указательным пальцем.

– Это я сам сфотографировал, специально для вас. Рубашка и штаны. Мужские, – пояснил старший лейтенант, нюхая чайный пакетик, который ему положили в пустую чашку. От пакетика не пахло ни жасмином, ни мятой, нечего было и рассчитывать. – Мы проверили мусорные баки во дворе вашего дома...

– Искали сумку с канифолью? – с едва заметной усмешкой поинтересовался Сильвестр.

– Искали. А вы как думаете! Сумку не нашли, а обнаружили вот это. Штаны и рубашка свернуты в комок, засунуты в пакет и завязаны. Одежда испачкана, но мне сказали, что она дорогая.

– Вижу, что испачкана. И вижу, что дорогая. А что это на ней такое черное?

– Немного крови. И, по-моему, битум. У меня, конечно, не такой нюх, как у некоторых...

Майя хотела спросить, при чем здесь нюх, ведь находку наверняка отдали на экспертизу, – но, взглянув на босса, решила промолчать.

– Вы как-то связываете этот тюк с убийством на нашей лестнице? – спросил Сильвестр, явно не желавший отказываться от собственной версии. – И считаете, что я с полплевка скажу, кто носил эти шмотки?

Стас подарил ему вымученную улыбочку.

– Дело в том, что на шмотки оказалось слишком много претендентов. Форменный маразм. Когда барахлишко вытащили, тут же набежали любопытствующие из местных жителей.

– И вы их не разогнали? – с иронией спросил Сильвестр.

– Зачем же? Рядовые граждане всегда знают что-то такое, чего не пробьешь по базе данных.

– Полагаю, граждане опознали одежду и указали на хозяина.

– Так точно. Только мнения разделились. Одна группа товарищей, состоящая из местных пенсионеров, уверяет, что штаны и рубашка принадлежат Антону Янову, который проживает в вашем подъезде на третьем этаже.

– Квартира номер девять, – проявил осведомленность Сильвестр.

Майя сразу же сообразила, о ком они говорят. Жесткий тип, одет с иголочки. Когда сбегает вниз по лестнице, крутит на пальце ключи от машины. Еще ни разу не ответил на ее отчетливое «здрасьте!». С его женой она несколько раз останавливалась поболтать возле почтовых ящиков.

Старший лейтенант тем временем продолжал:

– Вторая группа товарищей, так сказать, подрастающее поколение, утверждает, что комплект носил Петр Жабин, жилец того же подъезда. Вашего подъезда. Подъезда, где нашли тело.

– Девятый этаж, квартира номер тридцать два.

– Вижу, вы в курсе.

Возможно, Майя знала Жабина в лицо, но уж точно не по фамилии.

– А вы с ними самими разговаривали? Я имею в виду, с Яновым и Жабиным?

– В том-то и фишка, что каждый без колебаний признал, что комплект принадлежит ему. Однако ни один, ни другой не представляют, почему одежда грязная и как она оказалась в мусорном баке.

Майя подошла к столу с кипятком, и Стас на секунду замолчал, позволяя прозрачной струе без помех упасть в чашку.

– Вы просили их поискать одежду в шкафу?

– Ни один не смог найти ни штанов, ни рубашки.

– Странно, – пожал плечами Сильвестр. – Одинаковая одежда у двух мужчин из одного подъезда?

– Может быть, они купили ее в соседнем супермаркете? – предположила Майя, не в силах больше сдерживаться. – Рубашка такая приметная, наверняка известной фирмы. Кстати, недавно я забыла в магазине кошелек, прямо на кассе. Возвращаюсь туда с вытаращенными глазами, и старший по залу говорит, что да, какой-то кошелек ему сдали кассиры. Но прежде чем вернуть его мне, он потребовал подробно описать, как тот выглядит и сколько в нем денег.

– Я понял вашу мысль. Это и есть самое забавное, – сказал Стас, повернувшись к ней. – Оба предполагаемых владельца так точно описывают найденные в мусорном баке вещи, что просто диву даешься. Например, Янов заявил, что нагрудный карман на рубашке надорван и снаружи болтается зеленая нитка. И это оказалось правдой. Однако Жабин тоже знал про нитку. И еще он припомнил, что в левом кармане штанов – дырка.

– И это тоже оказалось правдой, – ухмыльнулся Сильвестр. – Какой отсюда вывод?

– Кто-то из них врет, – сказал Стас, беря чашку.

– Ответ неверный.

– Серьезно?

– Вывод следующий: оба эти парня носили одну и ту же одежду. Ваша задача выяснить – почему.

– Может быть, они родственники? – снова подала голос Майя. Себе она тоже налила чашку чая и теперь прихлебывала его, стоя у разделочного стола. – Я, например, иногда надеваю куртку старшего брата, когда идет дождь, а мне нужно срочно выскочить на улицу.

– Или они друзья, – включился в игру старший лейтенант, явно ощущавший в присутствии зеленоглазой помощницы Сильвестра душевный подъем. – Жабин решил пойти на свидание, и Янов дал ему напрокат свой выходной прикид.

– Тогда зачем это скрывать?

– Я знаю! – выпалила Майя. – Янов дал штаны с рубашкой Жабин напрокат... На свидание, – добавила она, мельком улынувшись старшему лейтенанту – Но по дороге тот упал в битум, испугался гнева хозяина и выбросил вещи в мусорный бак. И не хочет признаваться, потому что ему неудобно.

– Но Янов уверяет, что никому не давал свою одежду, – весело ответил Стас. – И Жабин тоже уверяет, что никому не давал. И они даже не друзья. Может, вся эта чехарда и не имеет отношения к труп на лестнице, но...

Сильвестр, который слушал их с непроницаемым видом, заметил:

– Вы уже потеряли нить. А ведь сначала рассуждали правильно. Итак, комплект принадлежит либо Янову, либо Жабину. Я склонен считать, что Янову.

– Почему?

– Потому что Жабин – шофер и одевается просто и удобно. Я никогда не замечал, чтобы он особенно форсил.

– В глазок подсматриваете за соседями? – желчно спросил Стас, памятуя, что его собеседник почти не выходит из квартиры. Просто не смог сдержаться.

Однако его выпад был проигнорирован.

– Янов бизнесмен, – продолжал Сильвестр как ни в чем не бывало. – Ему по штату положено покупать рубашки в дорогих магазинах. Но если Янов говорит, что не давал Жабину свою одежду, значит...

– Значит, он врет, – снова сделал поспешный вывод старший лейтенант.

– Значит, одежду Янова дал Жабину кто-то другой. Поскольку Янов женат, вывод напрашивается сам. Одежду Жабину дала жена Янова.

Не успел он договорить, как за входной дверью послышалась какая-то возня. Будто кто-то скребся с той стороны, дышал и царапался.

– По-моему, это собака, – тотчас всполошился Сильвестр. – Наверное, та хвостатая сарделька, которая живет этажом ниже. Майя, пойд и прогони ее, а то она заразит блохами наш ковер.

– Джинерву не выпускают одну в подъезд, – проворчала Майя, но все-таки поставила чашку и отправилась в коридор.

Однако за дверью оказалась вовсе никакая не собака, а Анжелика Янова, та самая жена бизнесмена Янова, о которой только что говорили. Она была маленькой, изящной, с сочными губами куртизанки и ясными глазами, через которые отчетливо просматривалось дно ее души.

– Майя! – страшным шепотом потребовала Анжелика. – Выйди на минутку ко мне.

Та послушалась и вышла. Дверь тихо чмокнула, когда Майя прикрыла ее за собой.

– Что случилось? – спросила она тоже шепотом. Если на лестничной площадке говорили в полный голос, немедленно появлялся пенсионер Чепукин, чтобы поучаствовать в дебатах. Он отличался горластостью, был помешан на политике и особо непримирим к действующему правительству.

– Мне сказали, что вы расследуете этот труп...

– Дело об убийстве, – поправила Майя.

– ...который подавился.

– Поскользнулся.

– Господи, как ты любишь придирается к словам!

– А кто сказал, что мы расследуем?

– Старушки слышали, как оперативник из местного ОВД сказал, что пойдет разговаривать с твоим хозяином Сильвестром. Подкинет ему задачку.

– Почему это с хозяином? С боссом. Я же не рабыня Изаура.

– Какая разница!

Анжелика неожиданно крепко схватила Майю за запястье. Ее рука оказалась холодной, почти ледяной.

– Если ты мне не поможешь, я пропала! Скажи своему... Сильвестру, чтобы он сказал оперативнику, чтобы тот сказал своему начальству, что одежда из мусорного бака не имеет никакого отношения к трупам на лестнице!

– Это ты дала ее Жабину, – констатировала Майя.

– Откуда ты знаешь?

Глаза Анжелики вспыхнули тем самым огнем, на котором рано или поздно будут поджигаться все неверные супруги.

– Я думала, никто не знает.

– Расскажи в двух словах, что случилось.

– Ш-ш-ш! – прошипела та, настороженно вскинув голову. – Антон должен вот-вот вернуться. Он всегда поднимается пешком.

– Вы живете тремя этажами ниже, так что он ничего не услышит.

Чтобы придать своему признанию интимный оттенок, Анжелика приблизилась к Майе вплотную.

– Что случилось, что случилось... Антон сказал, что уезжает на четыре дня.

Иными словами, все происходило, как в анекдоте. Муж отправился в командировку, но неожиданно вернулся. Жена в это время развлекалась с любовником. А поскольку любовник не знал тепла семейного очага, она не только накормила его борщом, но и постирала его одежду. Вернее, засунула одежду в стиральную машину и включила ее. В этот самый момент позвонил муж и сказал, что командировка сорвалась. У парочки не осталось времени замести следы – Янов был уже во дворе и как раз выходил из машины. Бежать по лестнице в трусах на девятый этаж Жабин не рискнул. Анжелика выхватила из семейного гардероба первые попавшиеся штаны и рубашку, обрядила в них любовника и вытолкнула из квартиры. Любовник рванул было к себе, но сверху как раз кто-то спускался и покашливал, совершенно как Чепукин, встреча с которым могла стать роковой. Чепукин наверняка заслонит ему путь своей чахлой, но отважной грудью. Все знали – вырваться из его лап можно только вместе с кожей. Тогда Жабин побежал вниз. Миновав лишь один пролет, услышал голос обманутого мужа – тот уже вошел в подъезд, но слегка замешкался, отвечая на телефонный звонок. Путь к спасению был только один – окно на лестничной площадке. Оно находилось высоко, зато по причине жары было распахнуто настежь. Рядом с мусоропроводом, приглашая к побегу, стоял драный стул со сломанной спинкой. Гонимый ужасом, Жабин скакнул на него, изо всех сил оттолкнулся от сиденья и прыгнул. Некоторое время извивался, лежа животом на нижней части оконной рамы, наконец выбросил правую ногу наружу, совершил акробатический этюд и спрыгнул на крышу подъезда.

После чего сразу же упал лицом вниз и пополз к краю. По дороге поцарапал ладони и перепачкался битумом. Некоторое время лежал неподвижно, потом улучил момент, сиганул вниз, в палисадник, прямо в акацию, и удрал. Пару часов пробавлялся в соседнем пивном баре, где его видели глазастые подростки из соседнего подъезда. Но сидел бедолага к подросткам спиной, они и не заметили, что шикарная рубашка с затейливым узором безнадежно испачкана на груди, впрочем, как и светлые брюки.

Возвратившись домой, Жабин понял, что одежде не вернуть первозданный вид, засунул ее в пакет и выбросил в мусорный бак. Именно в бак, потому что в мусоропровод неаккуратный тюк просто не влезал.

Трагическую историю Анжелики изложила весьма бестолково, но пылко, решив, что незамужняя Майя, проживающая под одной крышей с неженатым Сильвестром, легко может сделаться ее сообщницей.

– Жабин до смерти боится моего мужа, – подвела она итог. – С перепугу он не разобрался в том, что нужно говорить, взял и ляпнул милиции, будто это его одежду нашли в мусорном баке. У него глупые представления о работе следователей. Решил, что, если они проведут экспертизу, сразу определят, что именно он носил эти дурацкие штаны и рубашку. Идиот. Кому он нужен? Будут химики тратить на него свои реактивы!

– И то правда, – пробормотала Майя. – Насчет экспертизы я тоже что-то сомневаюсь.

Неожиданно дверь, возле которой они шептались, медленно открылась, и из нее на лестничную площадку просочился старший лейтенант Половцев.

– А, гражданка Янова! – воскликнул он тем ненатурально сладким голосом, каким злые дядьки подзывают к себе детей.

На лице Анжелики пятнами проступило волнение. Обращением «гражданка» оперативник лишил ее статуса очаровательной женщины и низвел до уровня свидетельницы по делу.

– Только что разговаривал по телефону с вашим мужем, – продолжал Стас. – Он поднимается на лифте на девятый этаж. Дело в том, что мы решили провести очную ставку.

– Какую это?

Анжелика отступила к лестнице и схватилась рукой за перила.

– Ваш муж против Жабина. Не знаю, кто победит, но раунд обещает быть напряженным. Идемте с нами! – предложил он с таким азартом, словно приглашал ее раскапывать Трою.

Анжелика быстро и мелко закивала, наблюдая за тем, как на площадке появляется Сильвестр Бессонов. До сегодняшнего дня она встречала его всего несколько раз. Впечатление он оставил о себе неблагоприятное. Здравовался сквозь зубы, кривился и прибавлял шаг.

– Добрый вечер, – проблеяла Анжелика, перестав кивать.

– Добрый, – неохотно согласился тот. Достал из кармана носовой платок и приложил к нижней половине лица, соорудив из него респиратор.

Половцев нажал на кнопку вызова лифта и весело сообщил:

– Опять кто-то катается. Сто лет ждать придется. Может быть, пойдем пешком? Всего три этажа, не развалимся ведь.

Никто, конечно, возражать не стал. Они двинулись вверх по лестнице, следуя за старшим лейтенантом, подобно гусиному выводку. Сильвестр, дышавший через батист, громко сопел.

– Вам что, не нравится запах моих духов? – раздраженно спросила Анжелика, приняв платок на свой счет.

– Я вообще не люблю запахи, – признался он, стараясь вырваться вперед.

Майя решила прийти на помощь своему боссу и втиснулась между ними. Анжелика немедленно схватила ее за руку. Привыкнув к тому, что мужчины тают, когда она умоляюще сжимает им пальцы, она теперь проделала этот трюк «на автомате».

– Ты обещала мне помочь! – прошептала она, воспользовавшись тем, что Сильвестр громко заговорил с их предводителем.

– Вряд ли удастся переброситься с боссом даже парой слов. Может, все и так обойдется?

– Не обойдется! Жабин приятный мужчина, но ужасно нервный. Боюсь, ему не выстоять.

– Что, если рассказать правду милиционеру? И попросить его сохранить все в секрете от твоего мужа?

На лице Анжелики появилось скептическое выражение.

– Ты когда-нибудь слышала о милиционерах, которые хранят чужие тайны?

Сказать по правде, Майя вообще мало что слышала о милиционерах. Ни один не попал в круг ее знакомых. Поэтому узнать об их повадках ей было решительно неоткуда. Сериалы про ментов, заменившие на телевидении мексиканское «мыло», смотрелись как сказки. Происходящее в них принимали за правду только пенсионеры, которым остро не хватало уверенности в завтрашнем дне. Детективные романы про будни уголовного розыска подозрительно искажали действительность. Однако страна нуждалась в положительных героях, и писатели делали их буквально из кого попало, в том числе и из милиционеров. Как только внушительная процессия миновала площадку восьмого этажа, наверху лязгнул лифт.

– Янов? – крикнул старший лейтенант, задрав голову. – Мы уже идем.

Антон Янов был поджарым типом, который держал в письменном столе гантели, брился до белизны и постоянно пил свежесжатый сок. Доказательством его незаурядных деловых качеств служила жена. А точнее, ее роскошный вид и сибаритский образ жизни. Янов гордился всем, чего достиг. Жена тоже являлась предметом его гордости. Нет, он не должен знать о ее интрижках на стороне.

Встретил он старшего лейтенанта и его свиту яростным недовольством:

– Не понимаю, почему я должен что-то доказывать! Какое отношение имеют мои штаны к незнакомому трупу, который нашли на шестом этаже?

– Действительно, старшина, – поддакнула его супруга, дыша в лопатки Половцеву, – я тоже не понимаю, зачем мы всей толпой лезли так высоко.

Стас хотел поправить Анжелику и вернуть себе собственное звание, но потом встретился с ней взглядом и раздумал. Отвечать Янову он тоже не стал. Молча подошел к тридцать второй квартире и нажал на кнопку звонка. Им очень долго не открывали, и старшему лейтенанту пришлось звонить снова и снова.

«У-у-у! – протянула про себя Майя, когда любовник Анжелики все-таки появился на пороге. – Дело пахнет керосином. Старший лейтенант расколется этого парня, как игривый кот глиняную копилку».

Жабин явно не был готов к испытаниям. До сих пор жизнь его текла легко, как река по широкой долине. Штраф за разворот через две сплошные Жабин считал значительной неприятностью. И сейчас он стоял с лицом неудачника, только что оплатившего в кассе универсама кусок мыла и веревку. Каким образом ему удалось охмурить Анжелику, казалось загадкой. Вероятно, он взял ее прямоотой и грубостью, которую некоторые женщины принимают за напор безудержной страсти.

– Вот и мы! – тоном Атоса, после долгой беготни изловившего-таки Миледи, сказал Стас.

– Что ж, заходите, – ответил Жабин обреченно.

Ситуация казалась ему ужасной. Особенно потому, что в квартире он был не один. Буквально только что явилась курьерша, доставившая два авиабилета – для него и Анжелики. Пользуясь отлучкой Янова, любовничек собирался свозить даму своего сердца на уик-энд в Турцию. Хотел сделать широкий жест, изрядно потратился... И все зря.

Курьерша оказалась дородной тетенькой, которая активно потела и то и дело вытирала лицо и шею душистым платком. Платок она жестом фокусника вытаскивала из декольте. Объясняя, где следует расписаться, наступала на Жабина величественной грудью, и тот пятился от нее до самого подоконника. Заставить ее убраться восвояси казалось невозможным. Да она просто не успевала. Что, если милиция станет ее допрашивать? Потребуют билеты, увидят на них две фамилии – его и любовницы, тут все и раскроется. Жабину было жаль себя и очень страшно за Анжелику. Она уверяла, что ее муж – ревнивый демон и, если узнает правду, отомстит со всей жестокостью, свойственной темным силам.

Он ждал, что с минуты на минуту позвонят в дверь, но, когда это случилось, все равно перепугался, как шкодливого ребенка, накапавший клея в бабушкины ватрушки.

– К вам пришли, – сказала курьерша, некоторое время наблюдавшая за тем, как Жабин бегают по гостиной с вытаращенными глазами. – Может, откроете?

– Если я открою, – ответил тот, остановившись на всем скаку, – вам придется спрятаться в моей спальне.

– Зачем это? – возмутилась та. – Платите деньги, и я поеду. У меня еще три заказа, один в Бибирево, второй в Бескудниково, а третий в Бутово.

– Забудьте про ваши заказы, тут речь о жизни и смерти.

– Ну да? А кто пришел?

– Милиция, – коротко ответил Жабин.

Теперь уже он принялся теснить курьершу грудью, пытаясь загнать ее в спальню. Порядка там, конечно, никакого, и постель не застелена, но сейчас не до церемоний. Плохо было то, что дверь не запиралась снаружи. И как удержать внушительную даму внутри, он понятия не имел.

– Пришла милиция, – повторил он с нажимом. – Они ищут маньяка, который только что задушил на лестнице двух человек. Говорят, этот маньяк – женщина. Полная такая женщина в декольтированном платье. Свидетели видели, как она пробежала вверх по лестнице с шелковым чулком в руках. Впрочем, вас не должно это касаться, – добавил он, сделавшись от страха невероятно находчивым. – Если будете сидеть тихо, вам даже не придется давать свидетельские показания.

На лицо курьерши пала тень трагических раздумий. Воспользовавшись ее замешательством, Жабин впахнул несчастную в спальню, захлопнул дверь и сделал глубокий вдох. После чего стремглав помчался открывать. На лестничной площадке его поджидала целая толпа – оперуполномоченный Половцев, Анжелика, ее сердитый муж и жильцы с шестого этажа, с которыми Жабин даже не был толком знаком. Чтобы не выдать собственного смутения, он старался смотреть на кого угодно, только не на ревнивого демона, который еще ни о чем не подозревал. Зато в глазах милиционера подозрений было хоть отбавляй. Тоже плохо. Бледная Анжелика взглядом умоляла любовника спасти ее.

Жабин посторонился, давая дорогу незванным гостям. Первым порог его квартиры переступил Янов. Он решительно пересек гостиную и уселся в единственное кресло, прямо на подушку, расшитую ирисами. После чего грубо спросил, обращаясь к Сильвестру:

– А вы чего пришли? Тоже претендуете на мои штаны?

Про Майю Янов ничего говорить не стал, только молча зыркнул в ее сторону. Однако на месте ему не сиделось. Потерю времени он переживал так же болезненно, как азартные игроки проигрыш в покер. И теперь вертелся в кресле, укладывая то левую ногу на правую, то наоборот.

– Сильвестр Семенович здесь по моей просьбе, – заявил старший лейтенант непререкаемым тоном.

Пока остальные рассаживались, он прошелся по комнате, внимательно осматриваясь.

– Итак, следствие нуждается в ваших объяснениях по поводу окровавленной одежды, найденной в мусорном баке во дворе дома. У меня есть собственная версия, но сначала я хочу выслушать мнения сторон.

Он взял стул, стоящий возле окна, и устроился так, чтобы всех хорошо видеть. Жабин избрал местом своей дислокации противоположную сторону комнаты, интуитивно загородив собой дверь в спальню. Он единственный остался стоять и выглядел как ученик, которого вызвали в кабинет директора. Майя видела, что лицо его дрожит от едва сдерживаемых чувств, ноздри трепещут и судорожное дыхание вздымает грудь. А в глазах старшего лейтенанта медленно, но верно разгорается азарт. Неожиданно она ощутила себя маленькой девочкой, которая мирно собирала в лесу ягоды и вдруг наткнулась на жестоких охотников, загонявших нежную лань. Естественный порыв спасти несчастное животное потряс все ее существо. Именно в этот момент лань решила, что у нее нет шансов на спасение, и грохнулась вверх копытами.

– Да, – заявила лань, – это не моя одежда, а одежда Янова. Так получилось, что мне ее дали. Были такие обстоятельства...

Янов бросил быстрый взгляд на жену и увидел, что вместо нее на диване сидит ледяное изваяние. Он вцепился руками в подлокотники кресла, и лицо его начало стремительно наливаться кровью. Сильвестр, спрятавший платок в карман, с живым интересом наблюдал за происходящим.

– Я оказался в подъезде без одежды, – продолжал между тем Жабин. – Совершенно случайно голый вышел на лестничную площадку... И тут порыв ветра... Дверь захлопнулась, и я остался в безвыходном положении... Побежал вниз по лестнице. Увидел Анжелику... То есть соседку с третьего этажа... То есть вас, – пролепетал он, обращаясь к несчастной, которой повезло стать его любовницей.

– Ну что ж, все очень логично, – заключил Стас Половцев важным тоном. – Соседу трудно отказать в помощи. Тем более голому. Во сколько это случилось?

– Без десяти три, – ответила вместо Жабина Анжелика. – Я как раз посмотрела на часы. Невольно.

– Тыпустила голого мужика в мою квартиру?! – прошипел Янов, разбрызгав вокруг себя порядочное количество слюны. – Может, ты вообще... не первый раз егопустила?!

И тут Майя поняла, что настал ее черед выйти на сцену. Ни одна неверная жена не заслуживает такого ужасного зрелища, как прозревший муж.

– Да ладно вам, Жабин, – громко сказала она, переключив внимание всех собравшихся на себя. – Скажите уж правду. Разве можно поверить в то, что вы, обнаружив себя голым в подъезде, весело поскакали вниз по лестнице? И проскакали целых шесть этажей?

– Вот именно, – процедил сквозь зубы Янов, который как раз достиг свекольной спелости и уже наполовину выбрался из кресла.

– А если вам не хватает мужества, я скажу правду за вас, – продолжала между тем Майя. – Вы оказались на лестнице вовсе не голым!

Жабин смотрел на нее глазами ошеломленной рыбы, которая выпрыгнула из воды и увидела перед собой лошадь.

– Вы оказались на лестнице в женской одежде. Да, Анжелика пожалела вас. Но какая женщина устоит перед таким несчастьем? Она посчитала вас своей подругой, Жабин! Вы не должны подставлять ее. Подруги не подставляют друг друга. Вы же понимаете, что ее муж подозревает самое худшее.

– Самое худшее, – философски заметил Сильвестр со своего места, – это когда у вас отказывают мозги. Все остальное – только жалкие неприятности.

– Вам, конечно, лучше знать, – процедил Янов, поднимаясь на ноги и делая первый тяжелый шаг по направлению к Жабину. – Но мне не нравится лицо этого типа. Я бы хотел вытрясти правду непосредственно из его тела.

– Ну, покамест это никакое не тело, – веско заметил оснащенный табельным оружием старший лейтенант, поднявшись вслед за Яновым. – И давайте не будем пороть горячку.

– Вот пусть он мне предъявит ту женскую одежду, в которой по лестницам бегал, – бросил Янов. – Прямо сейчас. Платишко, бельишко... Во что он там любит наряжаться?

– Да я с радостью... – забормотала пустоголовая лань, шаря позади себя в поисках дверной ручки. – Я сейчас все покажу... Конечно!

Жабин развернулся, приоткрыл дверь и нырнул в образовавшуюся щель. Все, кто был в гостиной, остались на своих местах и напряженно ждали, когда он появится вновь. Майя про себя скрежетала зубами, ругая дурака на чем свет стоит. Даже если у него есть подруга и он сейчас вынесет что-нибудь из ее шмоток, завалившихся в шкаф, Янов немедленно сообразит, что ему втирают мозги. Жабин – парень большой и плечистый. Однако вряд ли он крутит роман с такой же большой и плечистой женщиной.

За дверью тем временем слышалась отчаянная возня, как будто там переодевалось сразу несколько Жабиных. Старший лейтенант прислушивался, склонив голову к плечу. Сильвестр со скептической улыбкой разглядывал потолок. Анжелика грызла ноготь на большом пальце. Ноготь был акриловым, поэтому не поддавался напору зубов, а только громко шелкал. Наконец терпение присутствующих было вознаграждено. Дверь спальни приоткрылась, и Жабин просочился наружу. Лицо у него было счастливым, а на согнутом локте болталось огромное платье – белое, в маках. От платья исходил отчетливый запах разгоряченного тела и оглушительных духов. Поверх него висели два капроновых чулка с затоптанными пятками.

– Вот, – победоносно заявил Жабин. – Я был в этом платье, и ваша супруга, Янов, меня спасла.

– Почему же вы не вернули штаны и рубашку обратно? – грубо спросил бизнесмен.

– Мне было мучительно стыдно перед вашей женой, поэтому одолженную одежду я решил выбросить.

– А отчего это она вся перепачканная? – проявил законное любопытство старший лейтенант Половцев. – И измятая?

– Ну... Сначала я ее перепачкал. Потом измял. А потом выбросил.

Именно в этот момент в спальне кто-то мощно чихнул. Присутствующие молча уставились друг на друга. Первым, конечно же, пришел в себя оперативник.

– Кого вы там прячете? – резко спросил он, атаковав хозяина квартиры строгим взглядом. – Дайте я посмотрю!

Он шагнул к двери и потянулся к ручке. За ним шагнули остальные – все, кроме Сильвестра, который по-прежнему сидел на своем месте со скептической физиономией.

– Нет! Подождите! – закричал Жабин с отчаяньем петуха, пойманного на суп. – Не входите! Туда нельзя.

– Почему это? – спросил Стас, на секунду остановившись.

– Там моя тетя.

Старший лейтенант хмыкнул и приоткрыл дверь. Взору присутствующих предстала большая разобранная кровать, в которой лежал кто-то крупный и холмистый, с блестящими глазами, выглядывающими из-под одеяла.

– Оставьте тетю в покое! Ее нельзя волновать! – Жабин проявил неожиданную смелость и, отеснив опера, захлопнул дверь. На его лбу заблестели капельки пота.

– Так, может, это теткино платье? – тотчас сообразил Янов. У него нервно задергался правый глаз. – А этот гад все врет?

– Ну что вы! – с неожиданным возмущением воскликнул гад. – Тете не дают одежду. Чтобы она случайно не отправилась погулять. Понимаете, она сумасшедшая.

У него было такое искреннее лицо, что даже Майя на секунду купилась.

– А почему это сумасшедшая тетя лежит у вас дома? – продолжал допрос Янов.

– Так получилось. Тетя недавно вернулась из Южной Индии... Посетила Мадурай и Бурханпур. По возвращении приехала меня навестить и слегла. У нее поднялась температура, появилась сыпь... Специалисты сказали, что это очень опасно. Возможно, ее покусали мадурайские комары, а может, бурханпурские мухи. Ее, конечно, лечили.

– И что? – с любопытством спросила дурочка Анжелика.

– Ну... что? – переспросил Жабин. – Когда температуру сбили, оказалось, что тетя сошла с ума. Несет один и тот же бред про женщину-маньяка и билеты на самолет.

– Ладно, хватит, – сказал Стас Половцев. – Я хочу поговорить с вашей тетей. Хотя бы издали.

Он снова прорвался к двери, приоткрыл ее и, повысив голос, спросил:

– Гражданка, вы действительно тетя Жабина?

– Звучит довольно глупо, – заметил Сильвестр. – Как будто вы спрашиваете, не является ли жаба ее племянницей.

– Не вмешивайтесь! – прикрикнул опер. И снова обратился к кровати: – Гражданка, вы меня слышите? Что вы здесь делаете?

– Лежу, – неожиданно ответила постель густым голосом. – Лежу и билеты продаю. На самолет. И учтите, никакого маньяка я не видела! А уж маньяка-женщины тем более. Как она избегала... Да еще с чулком!

– Понял, – мрачно пробормотал Стас и, осторожно прикрыв дверь, сообщил остальным: – Думаю, комары были очень ядовитые.

В этот момент Сильвестр встал со своего места и, отойдя к окну, громко позвал:

– Старший лейтенант! Можно вас на два слова? – Когда Стас приблизился, понизил голос: – Насчет тети пока ничего сказать не могу, но эти двое, разумеется, любовники. Думаю, вам лучше опросить их поодиночке.

– Да я уже выяснил все, что хотел, – ухмыльнулся опер.

На самом деле он хотел, чтобы Янов вышел из себя, совершил необдуманный поступок и получил от него, Стаса, по полной программе. Схватка была бы лучшим завершением этого ужасного дня и помогла немного разрядиться.

– Жаль, Янов, что ваша окровавленная рубашка не является уликой, – сказал он напоследок. – Но если потребуется, я еще вернусь взять у вас письменные показания.

– Но я здесь ни при чем! – проскрипел бизнесмен: ему не понравилось подозревать Анжелику в неверности. Неверность жены – наглядное доказательство несостоятельности мужа.

Его восклицание повисло в воздухе, потому что старший лейтенант уже ушел, не потрудившись даже попрощаться с Сильвестром Бессоновым. Майя была так возмущена этим обстоятельством, что все то время, которое они потратили на путешествие к своей квартире, бурно дышала и фыркала.

– А вы что на это скажете? – наконец обратилась она к боссу.

– У Жабина в гостиной нет ни пылинки, – ответил тот. – И обивка на диване такая свежая! Нужно будет узнать, какой у него пылесос.

– Ну нет! – Майя так и подскочила на месте. – Если вы купите еще один пылесос, вам придется расширять жилплощадь.

– Я над этим думаю, – признался Сильвестр.

– Неслыханно, – пробурчала Майя, отпирая дверь. – Восемнадцать пылесосов. Два из магазина уникальных товаров, один выписан из Японии, в другом стоит двигатель от мопеда.

– На месте этого Половцева я проверил бы скрипача со второго этажа, – неожиданно заявил ее босс. – Скрипачам нужна канифоль. Они натирают ею смычки. Интересно, а как вообще этот Фофанов оказался в нашем подъезде? Что он тут делал?

Глава 3

Крупные слезы катились по лицу Тони Потаповой, падали на ее кофточку и по шее стекали за шиворот. Она положила тонкий пальчик на кнопку звонка и несколько раз быстро нажала.

За дверью раздались тяжелые шаги, и подозрительный голос спросил:

– Кто там?

– Это я.

– Кто – я? Такими «я» все тюрьмы забиты! Не пушу, если не скажете.

– Да Тоня, Тоня!

Дверь немедленно открылась, и появилась крупная брюнетка в черных брюках с отворотами и в расстегнутой белой рубашке. Нечесанные волосы спадали на плечи, челка свисала на лоб, скрывая глаза. Главенство захватил тяжелый подбородок, который диктовал всему облику свою волю.

– А, это ты. Заходи. Рыдаешь?

Брюнетка втянула Тоню в коридор.

– В общем, ничего удивительного. Через две недели ты должна была напялить на себя фату и топтать к алтарю. Но твой Фофанов тоже хорош. Умереть так бездарно!

Тоня зарыдала еще самозабвеннее, вытирая глаза и нос руками, – платок был уже насквозь мокрым.

– Ах, Шура! Я плачу совершенно не поэтому! Я такая гадина...

– Пойдем, я налью тебе водки, – предложила Шура и потащила гостью на кухню.

В кухне царил художественный беспорядок. Здесь не было немытой посуды, старых очистков или крошек на столе. Однако вся утварь громоздилась как попало, поражая количеством и многообразием. Свободная от мебели стена была увешана всякой всячиной. Часы с кукушкой, вышивки в рамках, на которых были изображены цветы и фрукты, сувенирные тарелки, привезенные из экзотических стран, фотографии неизвестных личностей и два кашпо с необузданными традесканциями. Тоня Потапова обожала эту кухню. Сюда можно было прийти в любое время и в любом настроении и найти поддержку. А поддержка ей требовалась сегодня, как никогда.

– Садись на свой стул, – велела Шура, доставая из холодильника водку.

Шура Измайлова была весьма оригинальной личностью: ненавидела организованный труд, постоянно воевала с многочисленной родней и курила сигары. Водка помогала ей в работе – она занималась дизайном интерьеров и в поисках вдохновения иногда выходила за рамки разумного. В ее квартире никто ни разу не видел непочатой бутылки. Впрочем, алкоголь не смог поработить ни ее душу, ни тело.

– Почему ты вся такая расхристанная? – спросила Тоня, сделав маленький глоточек обжигающей жидкости, в которую успело упасть несколько хрустальных слезинок с ее подбородка.

– Тренирую свою сексуальность, – ответила Шура, выпятив бюст.

– А почему ты тренируешь ее в мужских брюках и рубашке?

– Хочу быть похожей на Грету Гарбо. Ты же знаешь, она – мой идеал. Решила стать ее современным воплощением.

Тоня в последний раз шмыгнула носом и одним махом прикончила водку.

– Если бы Грета Гарбо узнала, какой размер штанов ты носишь, у нее сделалась бы горячка. Прежде чем становиться воплощением, советую похудеть килограммов на тридцать. Сто раз тебе говорила, чтобы ты прекратила покупать пастилу и печенье в оптовых магазинах.

– Можно подумать, вес может остановить женщину на пути к совершенству! У Греты Гарбо тоже были недостатки.

– Я знаю, – мрачно кивнула Тоня. – Большие ноги. Но в остальном она была изящной, грациозной, обладала природным целомудрием и аристократизмом. А ты похожа на портового моряка. И не спорь! Я устала бороться с тобой за твое же здоровье. Ты выполнила сегодня свой комплекс физических упражнений?

– Не успела, – пожала плечами Шура.

– И чем же ты была занята?

– Выщипывала брови. Хотела сделать их ниточками – точно как у Греты на том знаменитом снимке Кларенса Синклера Булла.

– Не понимаю, о каких бровях ты говоришь, – возразила Тоня, чувствуя, что слезы высохли окончательно. – У тебя есть только рот и челка. Лично я не видела твоих бровей лет восемь.

Шура запахнула рубашку и плюхнулась на табуретку, которая взревела нечеловеческим голосом и заскребла ножками по полу.

– Ну ладно, не отвлекайся, – заявила она, ничуть не обидевшись. – Кажется, кто-то обозвал себя гадиной. Или мне послышалось?

Тоня подперла подбородок рукой и горестно призналась:

– Да, гадина – это я! Все меня жалеют, сочувствуют, поддерживают...

– И что?

– А то, что я не заслуживаю сочувствия! Потому что я... Я ведь... Я поняла, что я...

– Ну ладно, ладно, выкладывай. Меня ничем не удивишь.

Шура говорила правду. По-настоящему она удивилась только один раз в жизни, когда впервые увидела голого мужчину.

– Я поняла, что не любила Андрея! – выпалила Тоня. Налила себе еще водки и подержала ее во рту, как будто раздумывая – глотать или нет. Проглотила, разумеется, и с надрывом повторила: – Я не любила его! Но собиралась выйти за него замуж. И бог наказал меня.

– Почему тебя? – удивилась Шура, нарезая колбасу прямо на клеенке, которой был накрыт стол. По ходу дела она успела засунуть себе в рот приличный кусок. – Это ведь Фофанов шарахнулся головой о ступеньку и умер.

– Если бы мы поженились, – объяснила свою позицию Тоня, – я сделала бы его несчастным. Бог показал, что намерения мои были ужасны.

Шура соорудила два огромных бутерброда, украсив их редиской и малосольными огурцами, и всучила один безутешной подружке.

– Это твой дядя во всем виноват, – безапелляционно заявила она. – Он с самого начала подбивал тебя выйти замуж. Коллекционеры вообще очень странные люди. Я знаю, о чем говорю! Откуда он выкопал этого Фофанова?

– Он не выкопал. У Андрея от прабабушки остался кузнецовский сервиз, и он хотел его оценить. Кто-то посоветовал ему обратиться к дяде Лене.

– Леониду Николаевичу сервиз страшно понравился, – продолжила Шура, – как и его хозяин. И он решил, что вы будете прекрасной парой. С Фофановым, а не с сервизом, разумеется.

– Ничего подобного, – горячо возразила Тоня. – Нас никто не заставлял становиться парой. Так вышло, что у Андрея и дяди Лени оказалось много общего. Андрей стал ходить к нам в гости, и я волей-неволей познакомилась с ним поближе. Знаешь, какой он был красивый?

– Знаю, – пробурчала Шура. – Как хочешь, но в нем чувствовалось что-то ненастоящее. У меня нюх на подделки. Может быть, твой Фофанов хотел завладеть коллекцией Леонида Николаевича?

– После дядиной смерти коллекция отойдет музею, – горячо возразила Тоня. – Все об этом знают. Нет, Андрей был бескорыстен.

Расправившись с бутербродом, Шура облизала пальцы и только потом вытерла их салфеткой.

– Но ты его не любила. Тогда зачем довела дело до свадьбы? Ну погуляла со смазливой мордой, да и все. У тебя на работе ухажеров целый этаж.

Тоня Потапова работала дизайнером в крупной компании и действительно пользовалась популярностью. Даже кое-кто из руководящего эшелона не остался равнодушен к ее красоте. Коммерческий директор дважды приглашал ее в ресторан, но она отказала, искренне считая, что служебный роман похож на порнографию: у него куча зрителей и нет толковой интриги. На хрупкую Тонию многие обращали внимание, отмечая ее приятные черты, чистый лоб и спокойные глаза. Уголки губ девушки загибались вверх маленькими крючочками, и эта полуулыбка, как все недосказанное, казалась особенно привлекательной. В ее облике чувствовалась прекрасная завершенность, которая дается только природой. Еще одним подарком той же самой природы оказался покладистый характер. Она легко находила общий язык с людьми, ни разу ни с кем серьезно не ссорилась – даже с давней подругой Шурой Измайловой.

– Поэтому я так и расстроилась! – Тоня беспомощно развела руками. – Сама не могу понять, как дело дошло до свадьбы. Андрей обладал мощной аурой и...

– Еще бы, – буркнула Шура. – Когда продаешь кухонные комбайны, без мощной ауры никуда. Зарботки будут низкими. Я считаю, ты зря так убиваешься. Ну совершила ошибку. Ничего особенного. Тем более не первую.

Тоня немедленно надулась:

– Потапов не в счет.

– Как же не в счет, когда ты до сих пор носишь его фамилию?

– Только потому, что Тоня Потапова звучит гораздо лучше, чем Тоня Попкова.

– Да, в браке есть свои плюсы, – философски заметила Шура. – Даже если он длится всего пару месяцев.

– Не передергивай. Мы с Романом были женаты полгода. Не будь он таким тютей...

– А то ты с самого начала не поняла, что он тютя!

– Я думала, что это временное явление и он поглупел от любви.

Шура достала коробку с сигарами, вытащила одну и, оскалив крепкие зубы, ловко откусила кончик, потом долго раскуривала, втягивая щеки.

– Если бы я увидела потаповскую тетку с самого начала, я бы тебя предупредила, – заметила она. – Не тетка, а дракон с хвостом. Причем огнедышащий. Это она испортила Роману характер. Вертит им, как хочет. Отчего он с ней до сих пор не разругается?

– Говорит, что рвать родственные узы – это грех.

– Врет он все. Просто не может справиться. Она ни за что не выпустит его из своих когтей. Знаешь, есть такие женщины, которым обязательно нужно кого-то поработать. Без этого они чахнут и раньше срока отправляются на тот свет. Мужа она уморила много лет назад и сразу же переключилась на Романа. Мне кажется, ты сошлась с ним только потому, что у вас похожие судьбы. Он сирота, и ты сирота. Его воспитывали тетя с дядей, и тебя тоже.

– Наверное, ты права. Роман больше подходил на роль моего брата, чем мужа. Кстати, Андрей был против того, чтобы мы встречались.

– На его месте я тоже была бы против, – призналась Шура, пуская клубы дыма. От ее сигары воздух на кухне сделался серым и пахучим.

– Мне нужно будет заняться делами Андрея, – сказала Тоня, решительно сложив руки замочком. – У него вообще не осталось родственников. Но друзья наверняка есть. Нужно отыскать их, сообщить о его смерти. Позвонить к нему на службу. Может быть, разобрать документы, вещи... Я вообще готова сделать все что нужно.

– Разумно, – согласилась Шура, довольная тем, что подруга больше не ревет белугой. – Ты без пяти минут его вдова. Конечно, сделай что полагается. Я тебе помогу.

В этот момент в сумочке Тони зазвонил мобильный телефон. Она торопливо достала его. Шура отвела руку с сигарой подальше от лица и замерла в ожидании.

– Аллю, – сказала Тоня. – Да, это я. – Некоторое время слушала, после чего перебила: – Простите, а с кем я разговариваю? – Прикрыла трубку ладонью и одними губами пояснила Шуре: – Это из милиции.

Глава 4

– Наверняка Чепукин явился! – крикнул из кабинета Сильвестр. – Скажи, что, если он еще раз придет жаловаться на депутатов, я подброшу ему в духовку героин и напишу донос.

Майя заглянула в «глазок», втайне надеясь, что вернулся старший лейтенант Половцев, которому срочно понадобилась консультация ее босса. Ей страстно хотелось, чтобы Сильвестра по-настоящему привлекли к расследованию дела об убийстве. Это был бы настоящий поворот судьбы. Босс очень нравился Майе. Он был не только умным, проницательным и творческим человеком. Главную отличительную черту настоящего мужчины – благородство – невозможно было игнорировать. Когда недавно ей потребовалось срочно уехать, он ни слова не сказал, хотя во дворе жгли резину и она видела, что ему здорово не по себе. Да, болезнь сделала его язвительным и чудовищно придиричивым, но на это можно было закрыть глаза. Их постоянные стычки ничего не значили, с некоторой натяжкой их можно было даже назвать развлечением.

Свою странную работу – присматривать за Сильвестром Бессоновым – Майя получила совершенно случайно. Некоторое время назад она оказалась в отчаянном положении. Нелепо погибла жена ее старшего брата Олега, и тот медленно, но верно начал спиваться. Его сын Вадик, слабенький от природы малыш, остался практически без присмотра. Олега уволили со службы, ребенком всерьез заинтересовалась служба опеки. Майя отвезла брата с племянником за город, к бабушке Клавдии Никодимовне, и оставила на ее попечение. Брат продолжал пить. Он даже не пытался найти работу и целыми днями слонялся по селу, навещая то одного приятеля, то другого. Той мелочи, которую ему давали соседи за небольшую помощь по хозяйству, едва хватало на самогон. Ответственность за семью легла на Майю. Нужно было зарабатывать деньги, однако все, связанное с филологией, оплачивалось слишком скудно. Закрыв глаза на диплом, она стала просматривать объявления в газетах и случайно наткнулась на весьма оригинальное: «Требуется человек любого пола для ухода за больным. Больной обслуживает себя сам. Ненормированный рабочий день, плохой характер подопечного и приличный оклад гарантируются». Она явилась на собеседование, вооруженная одной только надеждой, и была принята немедленно. Лишь гораздо позже Майя поняла, почему Бессонов остановил свой выбор именно на ней, – от нее не пахло ни духами, ни собаками, к тому же совершенно случайно в ходе разговора она произнесла слово «гипоаллергенный». Ее испытательный срок закончился, как только она дала первый бой Чепукину, желавшему прорваться в квартиру и обсудить последние политические новости.

Однако на сей раз она не увидела в «глазок» ни мятежного пенсионера, ни старшего лейтенанта Половцева. Перед дверью стояли совершенно другие люди.

– Это соседи сверху, – выпалила Майя, примчавшись в кабинет. – Кажется, с восьмого. Супружеская пара. Знаю только, что ее зовут Ольга и она любит одеваться во все розовое. А про ее мужа вообще ничего сказать не могу.

– Поговори с ними через дверь, – предложил Сильвестр. – Хотя... Лучше я сам. После явления этого твоего опера тут образовался настоящий проходной двор.

– Это не из-за опера, а из-за трупа, – защитила Половцева Майя.

В дверь снова позвонили, и Сильвестр еще издали крикнул со своим обычным раздражением:

– Эй, что вам нужно?

– Послушайте, – ответил сердитый мужской голос, – я Георгий Лешневский. Со мной моя жена. Мы хотим поговорить о смерти Фофанова, но только не через дверь. Откройте, это важно.

– А вы, случайно, не ели на завтрак ореховую пасту?

– Опять эти странные вопросы, – шепотом сказал Георгий жене. – Как будто он играет в шпионов. Об этих его вопросах мне рассказывали и почтальон, и уборщица. Может, он ненормальный?

– Я нормальный, – ответил Сильвестр, обладавший отменным слухом. – У меня поливалентная аллергия. А это значит, что, если вы будете дышать на меня орехами или принесете с собой веточку герани, я просто-напросто задохнусь.

– Утром я готовила яичницу, – пискнула Ольга. – Даже без лука.

– Она вообще плохо готовит, – добавил ее муж.

После секундной паузы замок щелкнул, и дверь открылась, приглашая гостей войти. Они не заставили себя ждать и один за другим переступили порог. По традиции их провели на кухню – Сильвестр не любил, когда чужаки вторгались в его личное пространство. Кухня была наименьшим злом, потому что чаще всего здесь хозяйничала Майя.

Лешневский оказался высоким дряблым типом с лицом, к которому не приставал ни загар, ни хорошее настроение. Только легкий пух напоминал о том, что на его голове когда-то росли волосы. Жена едва доставала ему до плеча и действительно была одета во все розовое, включая туфли с бантами. Рука об руку они подходили к пенсионному возрасту, причем каждый считал себя настоящим подарком для другого.

– Чепукин сказал, вы сотрудничаете с милицией, – с места в карьер начал Георгий.

– Почему вы не послали его подальше? Все знают, что он великий выдумщик.

– Но ведь вы ходили к Жабину, верно? И с вами советовались, не отпирайтесь. Оперативник говорил, что использует вас в качестве этого... консультанта.

– Вы были знакомы с трупом? – не сдержала любопытства Майя, бросив опасливый взгляд на своего босса.

Сильвестр давным-давно все расставил по своим местам. «Хоть я и есть тот больной, которому требуется уход, именно я плачу вам зарплату. Вы должны играть по моим правилам. Я – босс, вы – подчиненная». С тех пор она называла его боссом и обращалась на «вы», хотя он «тыкал» безо всякого стеснения, считая, вероятно, что это входит в контракт.

– Вы назвали его по фамилии, – продолжала Майя. – Я имею в виду Фофанова.

– Об этом мы и хотели поговорить. – Лешневский с такой силой заерзал на месте, как будто табуретка была горячеей. – Мы кое-что скрыли от милиции и теперь не знаем, как выкрутиться. Вдруг они узнают правду и что-нибудь такое вообразят.

– Вы думаете, у оперативников есть воображение? – насмешливо спросил Сильвестр. – Единственное, на что хватит их воображения, забрать вас в ментовку и поколотить.

– Этого мы и боимся, – призналась Ольга, нервно облизав губы. – Пусть лучше вы все узнаете первым и как-нибудь утрясете со своим знакомым оперативником.

– Слышишь, Майя? Половцев – мой знакомый оперативник.

– У нас взяли письменные показания, – продолжала просительница, вытаращив глаза. – Мы их, конечно, подписали: «С моих слов записано верно, мною прочитано» и все такое. Но мы утаили информацию. Они не могут нас за это судить?

– К сожалению, они могут практически все, что им взбредет в голову, – «ободрил» ее Сильвестр. – Давайте выкладывайте, что у вас там за правонарушение, и покончим с этим. Если я смогу что-нибудь сделать, так и быть, сделаю.

– С этим Фофановым нас познакомил мой брат, – торопливо заговорил Георгий. – Он сейчас за границей, поэтому связывал нас по телефону. Фофанов собирался жениться и хотел сделать невесте особенный подарок. Ее дядя что-то такое коллекционирует и вроде как разбирается в старых вещах. Ну вот. А у нас с Ольгой есть старинное кольцо, которое досталось нам по наследству от бабушки.

– У меня есть кольцо, – вмешалась супруга, вытянув шею в направлении Сильвестра. – Досталось мне по наследству от моей бабушки.

– В общем, – недовольно зыркнув на нее, продолжил Георгий, – мы хотели продать кольцо, и Фофанов пришел посмотреть товар.

– Так. Дело начинает проясняться, – пробормотал внештатный консультант. – Возможно, Фофанов захватил с собой деньги, рассчитывая совершить сделку прямо на месте.

– Нет-нет! Денег при нем не было! – горячо заверила Ольга. – Мы поэтому к вам и пришли. Ведь милиция может подумать страшное дело что!

– Что конкретно?

– Будто мы слышали, как Фофанов упал, спустились вниз и ограбили его.

– Или договорились с верным человеком, который подкараулил Фофанова на лестнице и удачно «уронил» на ступеньки, – вкрадчиво продолжил Сильвестр. – Это он забрал деньги и прятался в вашей квартире до тех пор, пока не утих шум.

Супруги Лешневские посмотрели друг на друга безумными глазами.

– Я тебе говорил! – фальцетом взвизгнул Лешневский. – Чертово кольцо приносит одни неприятности. А твоя бабка была ведьмой!

– Клянусь, мы ни в чем не виноваты, – задребезжала Ольга, неожиданно потеряв голос. – Фофанову понравилось кольцо, и мы договорились совершить сделку в банке на следующей неделе. Он вышел из квартиры, муж закрыл за ним дверь, и больше мы его не видели. Даже тела его не видели. Потому что, когда поднялся шум, у нас работал телевизор.

– Говори уж правду до конца, – рявкнул Георгий. – Никакой телевизор у нас не работал. – Он обернулся к Сильвестру и желчно добавил: – Она пела караоке. Этот страшный вой мог заглушить даже рев мамонта, а не только сирену «Скорой помощи».

– К какому часу вы в тот день ждали Фофанова? – прервал его словоизвержение Сильвестр.

– К половине третьего. Он пришел вовремя, то есть тютелька в тютельку. И пробыл-то совсем недолго. Надо же было ему наступить на эту идиотскую кожуру! Такая сделка сорвалась...

– Недолго – это сколько? – уточнил Сильвестр, подавшись вперед. – Вы не посмотрели на часы, когда выпроводили его на лестницу?

– Я могу назвать точное время, – ответил Георгий торопливо. – Как только за Фофановым захлопнулась дверь, мне позвонили с работы. У меня был отгул, но разве коллеги обращают на это внимание? Потом, когда мы с Олей обо всем узнали, я отследил время по звонку. Фофанов ушел без десяти три.

– И вы скрыли эту информацию от милиции, – констатировал Сильвестр.

– Вот именно поэтому мы здесь! – встрепенулась Ольга. – Скрыли, а теперь раскаиваемся. Если бы вы могли донести в удобоваримой форме... Убедить, что мы просто проявили слабость... Что мы ничего такого... Меня замучила бессонница. Это просто невыносимо!

Когда супругов удалось вытеснить из квартиры, Сильвестр вздохнул с облегчением:

– Люди с нечистой совестью загрязняют атмосферу не меньше, чем реактивные осадки. После них цветы вянут.

– У вас нет ни одного цветка, – напомнила Майя и спросила: – Вы им верите?

– Как это ни странно, да. И сколько раз просить тебя не вмешиваться? Ты постоянно суешься со своим любопытством!

Майя насупилась, потом обиженно проговорила:

– После того как вы нашли у меня под подушкой фотографию Кевина Костнера, вы относитесь ко мне как к дурочке.

– Я нашел случайно. Кроме того, я люблю Костнера. Особенно в тех фильмах, где он скачет на лошадях, а не разговаривает. И эта его улыбочка... Да, забавный тип.

– Из-за вас я сто лет не была на свидании, – выпалила Майя.

– Из-за меня?! Я что, делал тебе какие-то намеки? Мы с самого начала решили исключить из наших отношений всякие... скользкости.

– Все парни, которые мне нравились, могли помешать работе! – не слушала его Майя. – Павел, кинолог, был таким потрясающим! Он целовался, как... как...

– Как Кевин Костнер, – услужливо подсказал Сильвестр.

– Но разве я могла позволить себе встречаться с человеком, который имеет дело с четвероногими?

– Не жалею. Довольно противно иметь кавалера, после которого хочется вымыть руки.

– А Дима Бурин? – возопила безутешная ассистентка. – Такой отзывчивый, такой нежный, внимательный...

– И что? Он оказался таксидермистом! Делал для безутешных хозяев чучел из их сдохших кошек!

– Нечего смеяться над моими проблемами.

– Проблема – это когда уши отвалились. А у тебя просто девичьи переживания. Так что там с этим Димой?

– Он не мог переварить, что большую часть недели я у вас ночую. Он очень ревновал, сердился, даже плакал.

– Какие страсти, – пробормотал Сильвестр. – И главное, сколько чувств. Шекспир бы себе локти искоусал, упустив такой сюжет.

– А Валера из Реутова?! – никак не унималась Майя. – Блондин, под два метра ростом, высшее образование... Ему тоже пришлось дать от ворот поворот! И все из-за того, что он разводит декоративных кроликов. Ну хобби у него такое, понимаете?

– Только не говори мне, что ты завязала с живыми мужчинами и остановилась на Костнере. Я чувствую себя скотиной.

– Я умру старой девой с хорошим окладом, – мрачно заключила Майя.

Чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, Сильвестр пошел на хитрость, решив переключить внимание своей помощницы на что-нибудь более интересное, чем бывшие ухаеры.

– Кстати, что касается убийства. Думаю, нужно установить слежку за скрипачом Мурочкиным. Ты как, справишься?

– Я?!

Сильвестр прошелся по комнате, заложив руки за спину и рассуждая вслух:

– Если совесть его нечиста, он себя обязательно чем-нибудь выдаст.

– Чем, например? – с недоверием спросила Майя. Ухаеры в самом деле мгновенно вылетели у нее из головы. Она никак не могла поверить, что босс говорит серьезно.

– Откуда я знаю? Допустим, примется скупать все газеты, публикующие криминальную хронику. Убийца всегда хочет быть в курсе того, что о нем пишут. Или станет вздрагивать при виде каждого милиционера в форме, опасаясь, что его вычислили. Или будет обходить стороной все палатки, торгующие бананами. Что называется, от греха подальше. Как бы то ни было, мне хочется знать, что он собой представляет, этот Мурочкин. Но бегать за ним по улицам я не могу, поэтому обращаюсь к тебе с просьбой сделать это вместо меня.

Сильвестр остановился и пристально посмотрел на Майю. От волнения ее зеленые глаза потемнели, как океан, вынашивающий бурю. Безумно эмоциональная девушка.

– Ты часто встречаешься с Мурочкиным, когда ходишь в магазин? – напирал босс. – Что ты о нем думаешь?

Майя думала, что скрипач похож на мышь, обитающую в доме, полном кошек. Он не ходил, а прошмыгивал, голова его была втянута в плечи, взгляд бегал по ногам встречных. Казалось, этот человек ощущает себя виноватым во всем, что случилось на свете, начиная с гибели динозавров.

– Мне кажется, он слишком робкий для преступника, – призналась она. – Вы ведь считаете, что это было преднамеренное убийство?

– Я на этом настаиваю. Однако не забывай: некоторые тихони творят такие зверства, которые не снились и записным буянам. Поэтому ты не должна рисковать. Человек, который способен провернуть финт с банановой кожурой, может симпровизировать или изобрести еще какую-нибудь пакость, если заподозрит неладное. Обещай, что будешь осторожной. Звони мне по телефону каждый час.

– Есть, шеф!

– Я примерно знаю расписание Мурочкина. – Поймав недоуменный взгляд ассистентки, Сильвестр напомнил: – Окна моего кабинета выходят во двор. Я люблю наблюдать за людьми. А что? Или ты считаешь, что таких, как я, нужно погребать под коробками с художественными фильмами?

Майя так не считала. У нее было противоположное мнение. Однако говорить ничего не стала. Сейчас перед ней стоял очень важный вопрос – как экипироваться в дорогу. На улице жара, замаскироваться можно только с помощью солнечных очков.

– Измени прическу, – посоветовал Сильвестр. – Статистика утверждает, что на одежду люди почти не обращают внимания. Жаль, что тебе нельзя приклеить усы. И не копайся, Мурочкин должен выйти из дому через десять минут. Лучше ждать его снаружи. Остановись за углом, на автобусной остановке.

– А если он поймает машину?

– Да брось. Музыкант средней руки, который даже не каждый день ходит на репетиции, вряд ли получает столько, чтобы тратиться на такси. Наверняка поедет на метро. Или пойдет пешком – в зависимости от того, куда лежит его путь. Просто следуй за ним. Твоя задача – замечать детали, анализировать его поведение и делать выводы. Ничего больше. Никакого геройства. Не пытайся его спровоцировать, хорошо? Если что-то случится, сразу звони мне, поняла?

Майя не собиралась никого провоцировать. Она честно таскалась за скрипачом по улицам и к концу четвертого часа готова была его придушить. Мурочкин не занимался ничем полезным. Никаких концертов, репетиций и симфонических оркестров. Никаких троллейбусов и метро. Он шатался по городу на своих двоих, совершая странные поступки, которые невозможно было хоть как-то объяснить. Сначала купил упаковку наждачной бумаги, потом универсальный клей и в последнюю очередь – короткий нож со скошенным лезвием. Таким ножом в магазинах отрезают от рулонов куски линолеума или коврового покрытия.

Все эти четыре часа скрипач упорно двигался в направлении центра города и в конце концов вывел свою преследовательницу на Тверскую улицу. Нагруженный покупками, он зашел в небольшое кафе, где заказал себе овощной суп и оладьи с джемом. Съел их, достал из кармана блокнот, что-то в нем нацарапал, затем вырвал лист и прижал его к столу пепельницей. Перед самым уходом Майе удалось завладеть этой запиской, однако прочитать ее было некогда – пришлось быстро сунуть в карман, чтобы официантки не подумали, будто она покушается на оплаченный счет.

Покинув кафе, Мурочкин забежал во двор одного из домов, отыскал мусорный бак и швырнул в него пакет со всем добром, которое купил незадолго до этого. После чего быстрым шагом пошел вниз по улице. Нырнул в подземный переход, вынырнул перед самым Манежем и прибавил шаг. Майя уж было решила, что он собрался на экскурсию в Кремль. Однако скрипач пересек Александровский сад и вышел к Боровицким воротам. Приостановился, о чем-то раздумывая, потом перебежал дорогу и двинулся по Большому Каменному мосту через реку. Милиционер, патрулировавший улицу, проводил его ленивым взглядом.

Майя дала скрипачу возможность вырваться вперед, после чего повторила его маневр и очутилась на мосту. Кроме них, здесь не было ни одного пешехода. Мимо с ревом проносились

машины, обладая их теплой сладковатой гарью. Великолепный вид города, подступившего к набережным, сегодня не привлек ее внимания – она не сводила глаз со своего подопечного. Тот прошел половину моста, ни разу не оглянувшись назад, и остановился возле парапета. Даже издали было видно, как тяжело и неровно он дышит. Потом он заглянул вниз, закрыл лицо руками и затрясся. Майя, остановившаяся поодаль, выхватила из кармана записку и пробежала ее глазами. «В моей смерти прошу никого не винить. Леонид Мурочкин». Число и подпись.

Записка поразила ее своей ужасной простотой. Человек собирается свести счеты с жизнью и полагает, что миру достаточно глупой шаблонной фразы. Она быстро распустила волосы и сняла солнечные очки, вновь сделавшись похожей на саму себя. После чего поспешно направилась к несчастному скрипачу, крикнув еще издали:

– Эй, Леонид! Какая встреча! Узнаете меня? Я Майя Долинина, ваша соседка по подъезду.

Мурочкин подпрыгнул на месте, крутнулся и уставился на нее круглыми беличьими глазами. В них плескался такой ужас, словно Майя была не женщиной, а локомотивом, заставшим его врасплох на рельсах. Он попятился к ограждению, не отрывая от нее безумного взгляда. Решив, что уговорами ничего не добиться, его потенциальная спасительница сунула злосчастную записку прямо ему в нос, грозно вопросив:

– Что это такое, Леонид? Как это понимать? Это признание в убийстве?

– Откуда вы знаете? – одними губами спросил несчастный. – Да, я убийца! Я недостойн жить.

«Не верю, чтобы все было так просто», – пронеслось в голове у Майи. Поэтому на всякий случай она уточнила:

– Вы убили Фофанова и украли у него деньги?

Мурочкин вскинул голову и до предела распахнул глаза, сделавшись похожим на человека, который только что получил сковородой по голове.

– Кого-кого я убил?

– Это я вас спрашиваю, кого вы убили, – сердито воскликнула Майя, чувствуя, что надежда на скорую развязку ускользает от нее. – Вы ведь не просто так решили покончить с собой?

Им приходилось говорить громко, потому что машины неслись одна за другой и ревели на подъеме.

– Ладно, я все скажу, – с трудом выговорил Мурочкин. – В конце концов, какая теперь разница? Я недавно взял у приятеля «Жигули» напрокат. Потому что права у меня есть, а собственной машины нет.

Желудок Майи сжался. Она поняла, что за этим признанием последует что-то весьма неприятное.

– И я задавил кошку, – прорыдал скрипач, не скрывая больше слез, которые потекли по его мягким щекам. – Я больше не могу жить. Ни еда, ни сон не идут ко мне. Музыка мне не мила. За одну ночь я разучился играть на скрипке. Пальцы не слушаются...

– Тьфу ты, – пробормотала Майя и смело подошла к страдальцу поближе. – А вы не думаете, что кошке просто пора было попасть в ее кошачий рай, а вы – всего лишь перст судьбы? Вы были посланы для того, чтобы выполнить высшую волю. Вот и все.

Мурочкин несколько секунд молча смотрел на нее, потом в глазах его начала разгораться робкая надежда:

– Вы считаете, на это нужно смотреть именно так?

– А как же иначе? – пожала плечами Майя. – Кстати, зачем вы покупали наждачную бумагу и нож? И еще клей? А потом взяли и все выбросили?

– Вы следили за мной? – удивился скрипач.

– Я тоже ваша судьба. Так что отвечайте без утайки.

– С утра я не планировал прыгнуть в реку, – признался он неохотно. – Сначала я вспомнил о том мужчине, который поскользнулся в нашем подъезде на банановой кожуре, ударился головой и умер. Я посчитал, что это ужасно глупая смерть и что необходимо застраховать себя от подобных случайностей. Решил наклеить на подошвы ботинок кусочки наждачной бумаги, чтобы чувствовать себя увереннее. А потом вдруг подумал – какого черта? Он умер, и кошка умерла, а я – жив. Я решил, что покой можно найти где угодно – хотя бы на дне реки. И по дороге сюда избавился от покупок. Потому что, если я утону, мне уже не дано будет поскользнуться...

– Ну-ну, Леонид, – похлопала его по плечу Майя. Ей было неловко, что имя Мурочкина она узнала только из его предсмертной записки. Никогда прежде она не имела дела с несостоявшимися самоубийцами. Такая безумная ответственность! Нужно не спугнуть и не расстроить беднягу. Что ему стоит взять и передумать? Махнет вниз – не успеешь и глазом моргнуть. Чувство долга некоторое время боролось в ней с любопытством. Но схватка была неравной, и вместо того, чтобы напомнить Мурочкину о том, как прекрасна жизнь, Майя спросила:

– Кстати, а почему вы оставили свое послание в каком-то кафе?

Скрипач по-прежнему стоял, прижавшись почками к литой чугунной решетке, и изо всех сил мял пальцы. Он все еще выглядел очень взволнованным.

– Я часто ужинаю там. И официантка, что обслуживала меня сегодня, всегда была очень добра. Давно уже никто не был ко мне так добр. Я подумал, может быть, она вздохнет, когда узнает...

– Что вы, Леонид? Если бы я не забрала записку, она бы проплакала целую неделю! А может, и месяц. Шуточное ли дело – потерять клиента.

– Вы так считаете? – с детской надеждой спросил скрипач.

– Я просто убеждена, – твердо ответила Майя. – Но почему именно сегодня, чудесным летним вечером, вы приняли судьбоносное решение?

– Это моя вторая попытка, – скромно признался Мурочкин. – Как раз в тот день, когда мужчина в нашем подъезде упал и умер, я собирался прыгнуть с крыши. Уже давно у меня был ключ от чердака. Я поднялся на девятый этаж, оттуда по железной лесенке – к люку. Открыл дверцу и даже пробрался наверх, но не двинулся с места. Некоторое время стоял неподвижно, а потом услышал, какой шум поднялся в подъезде, испугался, что это по моей вине, и спустился обратно. Оказалось, что на лестнице нашли труп. Я тоже потолкался среди соседей и бегом бросился к себе. Пришлось обходить тело. Зрелище оказалось таким неприятным, что я забыл о самоубийстве. А сегодня опять накатило. Если бы вы знали, какой славной была та кошка!

– Она в кошачьем раю, – строго напомнила Майя и на всякий случай спросила: – Вы говорили милиции о том, что сидели на чердаке?

– Да вы что?! Только слабаки откладывают самоубийство. Мне было стыдно признаться в собственной слабости. Конечно, я никому ничего не сказал.

Майя несколько секунд молчала, всматриваясь в лицо Мурочкина.

– А теперь пойдемте домой, – наконец решила она. – Обещайте, что откажетесь от идеи сделать с собой что-нибудь ужасное.

– Ладно, – помедлив, ответил скрипач. В его взгляде появился странный блеск. – Я дам вам клятву. Но только с одним условием.

– Что еще за условие? – насторожилась спасительница. От этих музыкантов можно ожидать чего угодно. На сцене он – бог, а как только положит скрипку в футляр, тут и начинаются всякие выкрутасы.

– Поцелуйте меня.

– Я? – удивилась Майя. – Зачем это?

– Хочу почувствовать вкус настоящей жизни. Помогите мне поверить в прекрасное!

– Но здесь жуткий ветер. Может быть, стоит отложить это дело до завтра?

– Не увиливайте. Мы договорились. С меня – клятва, с вас – поцелуй.

Ветер в самом деле усилился. Волосы Мурочкина взъерошились на макушке, сделав его похожим на воробья. Он был маленький, несчастный и просил, в сущности, так немного! Внизу, под мостом, медленно двигалась темно-серая вода, и мысль об ужасной глубине пробирала до костей.

– Ладно, – сказала Майя. – Если это так важно, я вас, разумеется, поцелую. Давайте свою клятву.

Мурочкин заверил, что с этой минуты обещает думать только о хорошем и никогда, ни при каких обстоятельствах ничего с собой не сделает.

– Теперь приступайте, – велел он.

Майя придвинулась к нему вплотную и примерилась. Скрипач был мал ростом, поэтому изощряться особенно не требовалось.

– Вам может не понравиться моя зубная паста, – предупредила она и обняла его правой рукой за шею, а левой – за талию.

– Только это должен быть настоящий поцелуй, – предупредил Мурочкин очень серьезно. – А не какой-то там детский чмок.

– Ясно-ясно, – досадливо ответила его спасительница, переступая с ноги на ногу. Лицо скрипача было так близко, что она видела даже прыщик у него на носу. – Не отвлекайте меня, а то ничего не получится.

– Что значит – не получится? Вы же не зуб мне собираетесь выдергивать.

– Прекратите болтать и сосредоточьтесь. А еще лучше – закройте глаза.

Мурочкин поспешно зажмурился. Майя тоже зажмурилась, решив представить, что это Дима Бурин. Она напрягла губы и прижалась ими к губам скрипача. Он мгновенно ответил на поцелуй и задышал, как горячечный больной, увидевший чашку с водой. Самым отвратительным было то, что от него пахло оладьями с джемом. Оладьи настолько не сочетались с проводимым мероприятием, что портили все дело. Довести поцелуй до конца оказалось невероятно трудным. Однако Майя старалась изо всех сил и не позволила себе пойти на попятный. Пусть потом не говорит, что сделка не состоялась.

После того как она оторвалась от Мурочкина, тот некоторое время стоял, шатаясь, и смотрел на нее глазами пьяного школьника – храбро и восторженно. По всему было видно, что целоваться с Майей ему понравилось и он не прочь приобрести билет на второй сеанс.

– Теперь вы верите, что жизнь прекрасна? – с подозрением спросила она, отступив от него на безопасное расстояние.

– Кажется, да, – ответил убийца кошек. Потрогал свои губы подушечкой указательного пальца и признался: – Это гораздо лучше всего того, что я испытывал прежде. Вы вдохнули в меня новую надежду!

– Когда я буду лежать на смертном одре, надеюсь, ангелы перебросят пару костяшек на своих счетах в мою пользу, – проворчала Майя. – А теперь идемте, я провожу вас домой. По дороге будем беседовать о чем-нибудь жизнеутверждающем, ясно?

Обратно они добирались на маршрутке, и Мурочкин говорил не умолкая. Казалось, у него уже лет сто не было собеседника, и он вывернул перед своей спутницей душу, не стесняясь показать ее изнанку. К концу путешествия Майя настолько нагрузилась чужими переживаниями, что едва передвигала ноги. Засунув скрипача в его квартиру, она захлопнула за ним дверь и ободряюще постучала по ней ладонью. Затем вызвала лифт и, пока ждала его, тупо смотрела в стену. Втиснувшись в кабину, достала из сумочки ключи от квартиры и выставила перед собой самый длинный с таким выражением лица, как будто собиралась ткнуть в живот первого, кто решит поделиться с ней своими горестями.

Услышав возню, Сильвестр вышел из кабинета и включил в коридоре свет.

– Наконец-то ты вернулась! – обвиняющим тоном заявил он. – Я чуть с ума не сошел. Звонил тебе целый час, но ты не отвечала на вызовы. Разве можно так делать?

– Можно, – ответила Майя, сбросив босоножки и трусцой пробежав к ванной комнате.

– Подожди мыть руки, – попытался остановить ее Бессонов. – Скажи сначала, как дела.

Не обращая внимания на его призыв, Майя отвернула кран, набрала в ладонь воды и принялась полоскать рот, отчаянно брызгаясь.

– Почему ты так отплеываешься и трясешься? – с недоумением спросил Сильвестр. – Тебя что, отравили?

– Мне пришлось целоваться с Мурочкиным, – ответила она, продолжая начатое дело. – А перед этим он ел оладьи с джемом. Теперь я не могу избавиться от вкуса этих оладий.

– Целовалась с Мурочкиным? – удивился Сильвестр, наблюдая за тем, как его помощница вытирает рот целым пучком бумажных салфеток. – Удивительное дело: все, что затевают женщины, непременно оканчивается поцелуями. Я отправил тебя следить за скрипачом, а не вступать с ним в интимные отношения.

– Я и следила!

После водных процедур Майе значительно полегчало.

– Но когда он собрался свести счеты с жизнью и броситься в реку, пришлось вмешаться. Он согласился остаться на этом свете только в обмен на поцелуй.

– Негодяй.

– Мы поцеловались, и я отвезла его домой. Заодно узнала кое-что важное.

– Никогда не думал, что Мурочкин окажется таким предприимчивым.

– Когда убили Фофанова, скрипач сидел на чердаке, возле самой лестницы. Собираясь сигануть с крыши, но его остановили крики внизу. Понимаете, что это значит?

– Нужно было позволить ему прыгнуть в реку – и дело с концом.

– Это значит, что убийца не мог уйти через чердак. И через крышу подъезда тоже, потому что там прятался перепуганный на смерть Жабин. Помните, Анжелика сказала, что выгнала его на лестницу без десяти три? Смотрите, какая складывается картина! Без десяти три Фофанов выходит от Лешневских и спускается на два этажа, где его поджидает убийца. В это же самое время наверху, на чердаке, сидит Мурочкин, в подъезд входит Янов, а на втором этаже Жабин лезет через окно на крышу подъезда. У убийцы не было иного пути, кроме как через двор. Он должен был ненадолго затаиться, пропустить Янова, а потом выйти на улицу. Нужно искать свидетелей, вот что я вам скажу.

– Больше никогда не поручу тебе ничего подобного, – продолжал гнуть свое Сильвестр, который, кажется, даже не вникал в то, что ему говорили. – Начнешь с поцелуев, а потом совершенно развратишься, и я буду виноват.

– Это побочный эффект оперативной работы, – ответила Майя. – Вспомните Джеймса Бонда: он всегда достигал цели, пользуясь своим мужским обаянием. Если уж у меня не может быть настоящих кавалеров, сойдет и Мурочкин.

– А как же Кевин Костнер?

– Вы слышали, что я сказала? Что ваш убийца мог скрыться с места преступления только через дверь подъезда.

Сильвестр посмотрел на нее долгим взглядом, потом вздохнул и возразил:

– Ошибаешься. Он мог спрятаться в одной из квартир.

– Но у него не было времени вскрывать замки! Мы с вами возвращались от врача в пять минут четвертого. У подъезда толкались старушки, а труп Фофанова поджидал нас на лестнице.

– Не думаю, что убийце пришлось что-то взламывать. Полагаю, его кто-то впустил в свою квартиру. Кто-то, кого мы вполне можем вычислить, если захотим.

– А мы захотим?

– Ну, это уж дудки. Я получаю зарплату за то, что рецензирую фильмы. Кстати, от моего таланта зависит и твое материальное благополучие. Так что не подбивай меня заниматься следовательской работой, а лучше помоги распаковать посылку, доставленную курьером. Сегодня предстоит славный вечер – в активе триллер, фантастический боевик и два фильма ужасов.

– Ужасы творятся снаружи, за дверью квартиры, – пробормотала Майя.

– А это уже дело старшего лейтенанта Половцева. Странно, что он пропал без вести. Я был уверен, что он совсем скоро притащится. Хотя бы ради твоих красивых глаз.

Глава 5

Сильвестр снял наушники, схватил пульт управления и нажал на кнопку «Пауза». Маньяк, носившийся по экрану с окровавленной отверткой, замер с жуткой улыбкой на устах. В дверь звонили с настойчивостью, не предвещавшей ничего хорошего.

– Майя! – проревел Бессонов, не вылезая из кресла. – Кто-то пришел! Где ты есть? Заснула?

Иногда Бессонов помыкал своей помощницей, как последняя свинья. Все дело в том, что он от нее зависел. Стоит только признаться в этой ужасной психологической зависимости, утонешь в женской жалости. Когда Сильвестр оставался один, он ощущал себя яйцом, лежащим на проезжей дороге. Каждую секунду могло произойти что-то ужасное, угрожающее хрупкой скорлупе, в которую он был заключен. Ему просто необходимо было иметь рядом с собой надежного человека, а Майя как никто вселяла в него уверенность. Если случится приступ, она сможет вызвать врачей, сделать укол, что-нибудь предпринять, наконец. Сильвестр отлично сознавал, что готов на многое ради этого чувства безопасности.

Оба понимали, что их отношения не могут перерасти ни во что романтическое. Между ними стояла его болезнь и вся та проза, которая была с ней связана. Майя заказывала для него хлопчатобумажное белье, отыскивала мыло без отдушек и специальный зубной порошок. На ней лежал тщательный отбор продуктов и закупка лекарств. Она знала, как он боится насекомых, и до победного конца преследовала всякую бойкую муху, имевшую наглость залететь к нему в комнату. Она сопровождала его, когда нужно было ехать к доктору или на службу.

– Майя! – завопил Сильвестр еще громче. Она была его ангелом-хранителем, а с ними, как правило, особенно не церемонятся. – Где тебя носит?!

Майя явилась как ни в чем не бывало – с мокрыми волосами и сияющим лицом. И радостно сообщила:

– Там за дверью какая-то незнакомая женщина. Вступим в переговоры или сделаем вид, что нас нет дома?

– Я просил тебя соврать только один раз, когда сидел в туалете. Но ты все время мне это припоминаешь. Узнай, что ей нужно, и, если оно того заслуживает, проводи на кухню.

– Ой! – сказала Майя, снова заглянув в «глазок». – Там две женщины, а не одна. Вторая меньше ростом и прячется за первую. – Она повысила голос и крикнула: – Кто там?

– Мы к Сильвестру Бессонову, – ответили ей нестройным хором. – От старшего лейтенанта Половцева.

– Во как, – пробормотал Сильвестр. – Он теперь к нам делегатов посылает. Ну что ж? Запускай.

Майя отперла замки и распахнула дверь. На пороге возникла мощная девица в мужской одежде, угрюмо глядевшая из-под низкой челки. Ее спутница оказалась ниже ростом и гораздо милевиднее. Она-то и взяла слово.

– Здравствуйте. Я Тоня Потапова. Вы меня не знаете. Но я... Просто я... Я невеста того человека, который умер в вашем подъезде. Невеста Андрея Фофанова... То есть была его невестой.

– Примите наши соболезнования, – пробормотал Сильвестр, ненавидевший горе во всех его проявлениях. – А кто это с вами?

– Моя подруга Шура Измайлова, я взяла ее для поддержки.

– Да уж, вы серьезно подготовились к визиту. – Хозяин дома смерил Шуру опасливым взглядом и представил: – Моя ассистентка Майя. Она предложит вам чаю.

Майя ничего не имела против. Гости бывали в этом доме редко, гораздо реже, чем ей хотелось бы. А ведь одиночество не идет на пользу тому, кто его не ищет.

– Не буду ходить вокруг да около, – начала Тоня, как только чай был подан. – Заключение о вскрытии готово. Старший лейтенант сказал мне, что уголовное дело по факту гибели Андрея не будет возбуждено. Следов борьбы на его теле не обнаружено, следов насилия тоже.

– Как это так? – воскликнула Майя, устроившая в своей чашке маленькую бурю с помощью ложки и куска сахара. – Они не могут отказаться от расследования!

– Они уже отказались, – заявила Шура Измайлова, потянувшись за пряником. Ваза, наполненная сахарно-шоколадными изысками, гипнотизировала ее. Глазурь блестела, как бриллиантовая пыль, а шоколадная стружка слегка подтаяла и так и просилась на язык. – Признали, что это несчастный случай.

– И? – коротко спросил Сильвестр, закидывая ногу на ногу.

– И тогда старший лейтенант рассказал мне о вас, – откликнулась Тоня. – О том, что у вас есть собственное мнение.

– Вы правда думаете, что Фофанова кто-то убил? – прямо спросила Шура, на секунду оторвавшись от пряника. – Убил и представил все как несчастный случай?

У Сильвестра дернулась щека. Он холодно ответил:

– Я никогда не работал сыщиком. Мало ли в чем может быть уверен человек, который день и ночь смотрит детективы? Зачем вы ко мне пришли?

– Чтобы уговорить вас заняться расследованием, – снова подала голос Шура. – Неужели непонятно?

– Надеюсь, вы шутите.

У Сильвестра был вид кота, которому предложили на ужин вареной картошки.

– Я никогда ничего не расследовал и не собираюсь. Не знаю, с какой стати старший лейтенант Половцев раздает за меня авансы.

– Он просто понял, что вы очень умный и наблюдательный, – вмешалась в разговор Майя. – Что у вас железная логика и отличная интуиция.

– Глупости, – отрезал Сильвестр и встал. – Я не стану изображать из себя доморощенного сыщика. И не просите.

И тут Тоня Потапова неожиданно заплакала навзрыд.

– Теперь я всегда буду думать о том, что Андрея убили... А я... А я ничего не смогла сделать для того, чтобы преступника наказали-и-и!

Крупные слезы текли по лицу, она размазывала их ладонями, как делают маленькие дети. Майя представила себя на ее месте и до крови прикусила губу.

– Послушайте, ну прекратите, – сердито сказал Сильвестр и стал вытаскивать из ящиков салфетки и полотенца. Налил в стакан воды и сунул Тоне под нос.

Его помощница прищурилась. С первого взгляда было ясно, что босс не в состоянии вынести рыдающую женщину. На будущее следовало иметь это в виду.

– Я ду-ма-а-а-ла, вы о-о-жете хотя-а-а бы по-ро-о-ова-а-ть!

– Она говорит, – невозмутимо «перевела» Шура, покончив с пряниками и принимаясь за вафли, – что думала, будто вы можете хотя бы попробовать. Ну, найти убийцу.

– Хорошо, я попробую, – в ту же секунду согласился Сильвестр. – Только скажите ей, чтобы перестала разводить сырость.

Кое-как бедняжку Тоню Потапову удалось успокоить, и разговор перешел в новую фазу.

– Мне нужна правда, – заявила она, как следует высморкавшись и явив миру покрасневший нос. – Узнайте правду, прошу вас!

– Не понимаю, что это нашло на старшего лейтенанта, – резко ответил Сильвестр. – Мы с ним едва знакомы. И я не сдал в правоохранительные органы ни одного преступника, пойманного собственными руками.

– В этом деле вы можете выступить как консультант, – осторожно заметила Майя. – Проведете частное расследование, дадите заключение.

– Умоляю вас! – подхватила Тоня, прижав руки к груди.

– Милая девушка, по убийствам заключений не дают. Ну, допустим, я догадаюсь, кто разделался с вашим женихом, и скажу: «Это Иван Петрович Сидоров». Что вы станете делать дальше? Погрозите Сидорову пальцем?

– Но старший лейтенант Половцев...

– Даже боюсь предположить, куда пошлет меня ваш старший лейтенант, если я заявлю, что вычислил преступника.

– Со старшим лейтенантом я разберусь сама.

У Тони снова задрожал подбородок.

– Но я должна знать, что случилось на самом деле. Умоляю! Выясните правду! Мне больше ничего не нужно, только «да» или «нет». Убили Андрея, или же это был несчастный случай.

– Ладно, ладно! – рявкнул Бессонов. – Я же сказал, что попробую.

Тоня кое-как справилась со своим подбородком и попыталась всучить ему какие-то деньги, но он отказался в столь резкой форме, что напугал даже Шуру.

– Ну а теперь вы будете пить чай и отвечать на вопросы, – заявил Сильвестр и прокашлялся.

Майя шагнула к нему, наклонилась и выдохнула в самое ухо:

– Я должна записывать?

– Только если тебе хочется поиграть в Деллу Стрит, – буркнул он и уже в полный голос спросил у Тони Потаповой: – Я мог вас где-нибудь видеть? По телевизору, например?

– Она участвовала в проекте «Успех», – гордо ответила вместо нее Шура Измайлова, покачивая ногой в мужском ботинке. – Устроители конкурса отобрали дюжину молодых целеустремленных женщин, которые творчески подходят к своей работе и быстро растут в профессиональном плане. Для них подготовили кучу испытаний. Тоня вошла в тройку победителей. Ее снимало телевидение. Несколько раз.

– Скорее всего, вы видели мою фотографию на обложке журнала, – без всякого смущения пояснила Тоня. – Некоторые издания следили за конкурсом, и на прошлой неделе к газетным киоскам было просто страшно подходить – все пестрело моими снимками.

– И чем же вы занимаетесь?

– Работаю дизайнером. Ничего особенного, просто у нас очень активное руководство, не дает сотрудникам засидеться. Они меня и выдвинули. Впрочем, это не имеет никакого значения.

– Кто знает? – пожал плечами Сильвестр. – А теперь расскажите о вашем женихе. Кем он был?

– Андрей работал менеджером в компании «Новый век», торговал бытовой техникой.

– Кухонные комбайны были его коньком, – заметила Шура почти что с гордостью.

– Откуда вы знаете? – немедленно спросил Сильвестр. И повторил для ясности: – Откуда вы знаете про комбайны?

– Ну... – вроде бы смутилась Шура. Заглянуть ей в глаза было проблематично, потому что челку она ни разу даже не попыталась сдвинуть в сторону. – Однажды я слышала, как он хвастал по телефону своему боссу, что за месяц продал целых пять штук, а они дорогие.

– Боссу не хвастают, Шура, а докладывают, – нравоучительно заметила Тоня. И, обернувшись к Сильвестру, пояснила: – У Андрея был свободный график, он очень это ценил.

Еще Тоня поведала о том, что Андрей неплохо разбирался в искусстве и постоянно водил ее на выставки. Рассказывал потрясающие истории об известных драгоценных камнях и украшениях. Он знал невероятное количество фактов из жизни знаменитых художников, любил историю, архитектуру...

– Но сам ничего не коллекционировал, – добавила она.

– Вы считаете это заслугой? – осторожно поинтересовался Сильвестр, почувствовав в ее голосе одобрение.

– Нет, но...

– Ее дядя коллекционирует старинный фарфор, – по обыкновению встряла Шура. – Согласитесь, после одного коллекционера нарваться на другого...

Тоня тут же заявила, что дядина коллекция завещана музею, а у Андрея, конечно же, были бескорыстные чувства.

– Вы когда-нибудь ссорились? – задал неожиданный вопрос Сильвестр.

– Да нет...

– С ней невозможно поссориться, – вмешалась Шура, стряхивая крошки с одежды. – Я уж сколько раз пыталась, ничего не выходит.

Когда подружки наконец ушли, Сильвестр бросился в гостиную и принялся выполнять сложные упражнения, замирая в самых непредсказуемых позах. Потом закрыл глаза и стал делать глубокие вдохи и выдохи, от которых поднимался нешуточный ветер.

– Красиво они вас обломали, – заметила Майя, следовавшая за ним по пятам. Некоторое время она молча наблюдала за его телодвижениями, но потом все-таки не выдержала и подала голос. – Здорово напоминает сцену из фильма «Полицейский напрокат». Помните, когда Делла, за которой охотятся убийцы, умоляет Черча позволить ей остаться у него на ночь, а он безжалостно гонит ее прочь? Но тут она начинает рыдать, у него делается беспомощный вид, и он сразу уступает.

– Ты с самого начала подбивала меня заняться этим делом, – холодно заметил Сильвестр, развернувшись к ней лицом. – Но это не кино и не игра. Это убийство.

– Вот именно, – Майя не дрогнула. – И у преступника есть все шансы избежать наказания. И поскольку Сильвестр молчал, вкрадчиво продолжила:

– Вы ведь сами сказали, что убийца, скорее всего, спрятался в одной из квартир. И если вы захотите, то сможете вычислить, в какой именно.

– Я просто так сказал. Вернее, не просто так, а чтобы отвлечь тебя от Кевина Костнера.

– Не верю, что у вас не получится.

Сильвестр некоторое время задумчиво посмотрел на нее, будто прикидывая, сколько можно выручить за столь вредный товар на невольничьем рынке.

– Мне нужна еще информация, – наконец откликнулся он. – О жильцах нашего подъезда. Придется тебе снова заняться оперативной работой. При этом не обязательно целоваться со всеми мужчинами от первого до девятого этажа. Есть и другие способы развязать языки.

– Какие? – с любопытством спросила Майя.

– Все остальные способы подойдут.

Майя не стала говорить ему, что уже некоторое время обдумывает один вариант, который кажется ей весьма интересным.

– Сначала поговори с Жабиным и встряс из него все, что сможешь. Удирая от Янова, он вроде бы слышал, как кто-то спускался вниз по лестнице и покашливал. Возможно, он вспомнит что-нибудь еще, на что раньше не обратил внимания. Лежа на крыше подъезда, он мог заметить, кто из него выходил, верно?

– Думаю, что милиция уже обо всем его спросила.

– Фокус не в том, чтобы спросить. А в том, какие выводы сделать. И запомни: в основном нас интересуют жильцы, которые были дома в день убийства примерно в три часа дня. Особенно те, кто живет ниже шестого. У преступника было мало времени, учти. Да, и еще! Хорошо бы поболтать со старушками, которые торчали у подъезда, когда мы с тобой возвращались от врача.

Майя с сомнением вздохнула:

– После того как стало известно о трупе, у них наверняка все перемешалось в голове.

– У них все перемешивается, только когда им это выгодно, – скривил губы Сильвестр. – На самом деле, старушки – коварные создания, набравшие с годами полные руки козырей. Они выпьют из тебя всю кровь, вот увидишь.

– Знаете, что меня удивляет? – спросила Майя, пройдясь по комнате. – То, что вы задали так мало вопросов Тоне Потаповой.

– Сейчас я пытаюсь доказать, что убийца в принципе существует. Я решаю головоломку, а не иду по следу, ясно? Я вообще не могу идти по следу, и ты знаешь это лучше всех. Любая возбужденная пчела может уложить меня на обе лопатки.

Майя сделала вид, что не замечает, как он расстроен.

– Ладно, – сказала она. – Начнем с Жабина, а потом перейдем к старушкам.

На самом деле начать она решила со старшего лейтенанта Половцева. Цель была проста и понятна – заставить поделиться той информацией, которая успела попасть к нему в руки. Однако боссу о предполагаемой встрече лучше не знать. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, какой будет его реакция.

Глава 6

Тоня Потапова могла бы и не заметить, что за ней следят. Однако мимо прошла нарядно одетая дама, которая больно толкнула ее локтем в бок. Да еще прошипела что-то обидное. Возмущенная Тоня быстро оглянулась и... И тут заметила этого типа. Вероятно, он метнулся в сторону просто от неожиданности. Иначе Тоня вряд ли обратила бы на него внимание – парень как парень, в джинсах и белой футболке. Впрочем, он не только метнулся, но и прикрыл лицо ладонью. И это несмотря на темные очки. Она тут же вспомнила, что видела его раньше – пару часов назад, в другом районе города, в огромном супермаркете, где покупала босоножки. Кажется, он пропустил ее в дверях. Сейчас она попыталась проследить, куда он делся, этот парень, но тот нырнул в толпу и исчез.

Ей стало не по себе. Что, если Андрея действительно убили? По какой-то таинственной причине, о которой она и знать не знает. А теперь убийца охотится за ней. По спине пробежал холодок. Нужно продержаться совсем немного – через пятнадцать минут приедет Шура Измайлова. И до станции метро, возле которой они договорились встретиться, идти всего ничего. С Шурой ей, конечно, будет спокойнее, та обязательно посоветует что-нибудь толковое. Приятно иметь подругу, которая не ахает и не охает, заводя очи, а всегда предлагает конкретный план действий.

Тоня пошла быстрее, часто оглядываясь назад. И неожиданно налетела на пешехода, едва не повалив его на землю.

– Господи, Тоня! – засмеялся он. – Я думал, ты меня узнала, хотел поздороваться. А ты даже под ноги не смотришь.

Успокаивая заколотившееся сердце, Тоня подняла голову и оказалась лицом к лицу с Костей Чихачевым. Его улыбка мгновенно угасла, и он сказал:

– Я знаю про Фофанова, Леонид Николаевич мне рассказал. Очень сожалею.

Костя был еще одним приятелем ее дяди. Вхожий в их дом начинающий коллекционер обожал долгие разговоры об искусстве. Но в последнее время его стала больше интересовать племянница хозяина, нежели фарфоровые раритеты. Впрочем, ему не повезло. Тонин роман с Фофановым как раз достиг своего апогея. Костя сделал отчаянную попытку вклиниться между ними, но потерпел фиаско. Некоторое время он вообще не появлялся на горизонте, но потом возобновил визиты к Леониду Николаевичу. С Тоней вел себя ровно, ничем не выдавая своих истинных чувств.

Среднего роста, крепкий и энергичный, Костя относился к тем людям, у которых все ладится и задается. Светловолосый, с круглым лицом, он имел ясное и твердое представление обо всем на свете и по сравнению с Фофановым, честно говоря, казался простоватым. Он никогда не заглядывал в завтрашний день – чтобы не пропустить ничего интересного сегодня. Огонек, горевший у него внутри, не смог разжечь пожара в сердце Тони, однако возле него вполне можно было согреться.

– Я не собираюсь лезть к тебе со своей симпатией, – предупредил он, взяв ее за руку. – Но поскольку симпатия все же осталась, хотел бы тебе помочь. Просто побыть рядом. Ни на что не рассчитывая.

Трудно было поверить, что он в самом деле ни на что не рассчитывает, однако перепуганная Тоня ухватила за него, как утопающий за соломинку.

– Я так рада, что ты встретился мне именно сейчас! – искренне воскликнула она. – Мне кажется, что меня преследуют. Возможно, это связано с гибелью Андрея.

– Что ты такое говоришь? – поразился Костя. Он ожидал услышать что угодно, принять на себя ее горе, сетования на судьбу, даже слезы... Но уж никак не думал, что речь пойдет о подстерегающей ее опасности.

Тоня подняла на него испуганные глаза:

– У тебя есть пятнадцать минут?

Судя по выражению лица, Костя готов был предложить ей недели и даже годы. Однако он довольно быстро справился с собственными эмоциями и вежливо подставил локоть. Не к лицу порядочному мужчине распускать хвост перед девушкой, которая только что потеряла жениха. Разумеется, он терпеть не мог Фофанова, хотя и знал-то его постольку-поскольку. Они встречались несколько раз благодаря Леониду Николаевичу, который не замечал их взаимной неприязни. Или делал вид, что не замечает.

Тоня вкратце рассказала Косте о своем визите к Сильвестру Бессонову, о его версии с банановой кожурой. И о том, что ее так напугало.

– Я нечаянно обернулась. Когда увидела, как тот парень закрыл лицо, в голову полезли самые ужасные мысли.

– Понимаю, – пробормотал Костя, успокаивающе похлопывая ее по руке. – А ты уверена, что он следил именно за тобой?

Вместо того чтобы ответить, Тоня больно ущипнула его и трагическим шепотом проговорила:

– Вон он! Посмотри налево. Идет с какой-то девицей. Видишь? Та, в розовых шортах. Она закрывает его собой.

Девушка, на которую она указывала, оказалась довольно мощной. Такие женщины проводят много времени на свежем воздухе и восстанавливают силы с помощью больших порций еды. Она двигалась сквозь толпу, словно бронетранспортер, нацеленный преодолеть любое препятствие. Розовые шорты выглядели вызывающе, кофточка обнажала слишком много доброй плоти – даже для такого жаркого дня. Тощая косица, которую можно было отхватить даже маникюрными ножницами, смешно подпрыгивала между лопаток. Парень, с которым она разговаривала, оставался под ее прикрытием практически невидимым. По тому, как он шел, приседая и ненатурально частая, становилось ясно, что он действительно прячется. Довольно быстро оба оказались впереди и с каждой минутой уходили все дальше и дальше. Костя поступил так, как на его месте поступил бы любой влюбленный мужчина.

– Сейчас я его догоню! – заявил он, ободряюще сжал Тонину руку и сделал мощный рывок вперед.

Он бежал, расталкивая прохожих, сопровождаемый недовольным ропотом и девичьим хихиканьем. Середина оживленной улицы – не слишком хорошее место для разборок, однако выбора у него не было.

– Эй, ты! – крикнул Костя, настигая врагов и обращаясь, разумеется, к мужчине. Если судить со спины, тому было лет тридцать – вполне сложившийся индивид с коротко стриженными волосами. В руках держит раздувшуюся пластиковую папку. – Стой! Ты, в очках, я к тебе обращаюсь! И ты тоже стой, в розовых шортах.

Дальше произошло непредвиденное. Девушка подпрыгнула и развернулась на сто восемьдесят градусов.

– Это вы мне? – спросила она ломающимся сопрано. – Чего надо?

– Сейчас узнаешь, – процедил Костя, целиком нацеленный на ее приятеля. – А ну, стой, кому говорят!

Не оборачиваясь, тот неожиданно бросился в сторону и вылетел на проезжую часть. Тотчас рядом притормозил мотоцикл, за рулем которого сидел человек в черном шлеме. Беглец прыгнул на заднее сиденье, уцепившись за водителя. Папка выскользнула у него из рук и с громким стуком шлепнулась на асфальт. Костя рванул было за ними, но мотоцикл умчался, лавируя в потоке машин.

Обозленный неудачей, Костя схватил трофей, но не стал его рассматривать – кинулся обратно, заметив удирающие розовые шорты.

– Теперь твоя очередь! – зло крикнул он. – Стой, сволочь!

Эта «сволочь» выскочила из него совершенно произвольно, просто потому, что он считал девицу в шортах причастной к слежке за Тоней Потаповой.

Между тем девица даже не догадывалась о его подозрениях. Мужчина в темных очках пристроился к ней на улице. Сначала спросил, сколько времени, потом – где ближайшая станция метро, после чего задавал еще какие-то глупые вопросы. Он показался ей странным, и она слегка струхнула. А когда сзади послышался окрик, ей в голову пришло, что с ней рядом бандит – недаром он постоянно прикрывал лицо – и сейчас она попадет в бандитскую разборку, о каких постоянно рассказывают в газетах. Она будет случайной жертвой этой разборки, и ее прошьют очередь из автомата или скосят одинокой пулей, улетевшей не в ту сторону.

В переулке бедолагу ждали подружки из клуба «Худеем вместе», и она, повинаясь инстинкту самосохранения, со всех ног бросилась к ним за подмогой. Костя, убежденный, что преследует если не преступницу, то сообщницу преступника, не отставал. Ему почти удалось настичь жертву, когда та резко повернула за угол, пропахав подошвами сандалий пару метров асфальта. Едва не свалившись на повороте, Костя повторил ее маневр и влетел в переулок, задыхаясь от быстрого бега. Влетел и тотчас ударил по тормозам, чтобы не вмазаться в розовошпору и ее подружек. Они стояли перед ним, огромные и невозмутимые, как борцы сумо, оценивающие противника.

– Куда бежим, дядя? – фамильярно спросила одна из колоритной троицы, шевельнув бицепсами. – В зуб хотим получить? Нарываемся?

Костя беспомощно огляделся по сторонам. Люди с деловым видом топали мимо, не обращая на них никакого внимания. Нужно было что-то срочно решать.

– Вот эта вот, – он указал пальцем на интересующую его девицу, – следила за моей знакомой. Вместе с мужиком, который только что уехал на мотоцикле!

– Я не следила, – запальчиво ответила та. – Он ко мне сам прицепился. Я его первый раз в жизни видела.

– А почему тогда от меня убегала?!

– Подумала, что вы хотите меня убить.

– Зачем? Чтобы пустить на тушенку? – сердито спросил Костя, переложив папку из одной руки в другую и покрепче прижав к боку. Возможно, в ней важные документы или улики, кто знает.

В то, что девица не имеет отношения к слежке за Тоней, он сразу поверил. Не поверить было невозможно. Она смотрела на него обиженными глазами школьницы, которая, выпив первую в жизни рюмку, свалилась под елку и проспала Новый год.

– Вы обозвали меня сволочью, – припомнила девица. – И дышали в спину, как медведь. Костя безнадежно махнул рукой, не желая извиняться.

– А что, может, сходим в бар? Знакомая не уступит тебя на один вечер? – небрежно спросила самая крупная из подруг, окинув преследователя оценивающим взглядом. Ее волосы были выкрашены в оглушительно рыжий цвет и уложены на шее крупными завитками.

– Порезвимся, – добавила вторая, нехорошо ухмыльнувшись. – У нас сегодня подходящее настроение.

– Нет уж, спасибо...

Костя внезапно ощутил себя Красной Шапочкой, которая связалась с пьяными матросами.

– Да ладно тебе, – обиделась рыжая. – Раз уж судьба нас свела, лучше не противиться.

– Все, пока, девочки, – ответил он, всерьез вознамерившись ретироваться.

Уже начал разворачиваться на каблуках, но рыжая неожиданно протянула руку и крепко схватила его за плечо. Он никогда не считал себя слабым мужчиной, но в этот момент понял, что тренировки в спортзале необходимо как можно быстрее возобновить. Впрочем, не драться

же с ней, в самом-то деле? Ситуация была совершенно идиотской, а чтобы из нее достойно выкрутиться, у Кости не хватало находчивости.

– Ну, довольно! – рассердился он. – Отпусти мою рубашку, поняла? Я же тебя руками не хватал.

– Очень жалко, – сказала рыжая.

А больше ничего сказать не успела, потому что в этот момент на сцене появилось новое действующее лицо – Шура Измайлова, которую Тоня встретила возле метро и отправила на подмогу. Шура по-прежнему была в мужских штанах и ботинках, под низкой челкой угадывались свирепые глаза.

– Ну вот что, тетки, – сказала она, подходя вплотную к собранию, – этот парнишка занят, ясно?

– А никак нельзя поделить? – спросила рыжая, неохотно разжимая пальцы.

Рубашка на плече у Кости оказалась скомканной. Он невольно попытался разгладить ее ладонью, но не успел – на то же самое место легла тяжелая длань его спасительницы.

– Поделиться можно табачком и лепешками, – отрезала Шура. – А это живой товар. Вы за один вечер выжмете его, как тубик.

Костя сделал слабую попытку вырваться на волю, но не преуспел – у маленькой лодки, затертой громадами кораблей, мало шансов выкрутиться. Тем более что вода была беспокойной. Никогда прежде он не попадал в такую идиотскую ситуацию.

– Костя! – раздался знакомый голос. – С тобой все в порядке? Я так испугалась!

Тоня Потапова вынырнула из-за угла, румяная и прекрасная.

– О, тяжелая артиллерия, – пробормотала рыжая. – Предупреждать надо.

С разочарованным лицом она развернулась и вперевалку направилась в сторону полуподвала, над которым красовалась вывеска клуба для тех, кто сидит на диете. Вывеска гласила: «Нас миллионы». Несведущий человек запросто мог подумать, что речь идет о сексуальных меньшинствах или демократах – в последнее время и тех, и других развелось слишком много, и они постоянно лезли на рожон, желая бороться за свои права. Подруги потянулись за рыжей, то и дело злобно оглядываясь назад, как тигрицы, у которых ретивые охотники отбили добычу. На авансцене остались трое главных героев только что разыгранной пьесы.

– Значит, вы Костя? Вот как. А меня зовут Александра.

Шура Измайлова протянула ладонь, надеясь получить в ответ крепкое мужское рукопожатие. Однако Костина рука оказалась очень опасливой и верткой – она тотчас ускользнула, никак себя не проявив.

– Чихачев, – коротко ответил он, улыбнувшись одними глазами. – Вы блестяще справились с моей проблемой, Александра. Спасибо. В следующий раз, прежде чем гнаться за женщиной, я три раза подумаю.

Он вкратце рассказал о том, что случилось. Как он настиг девицу и что она ему поведала.

– Для парня в солнечных очках эта особа служила всего лишь прикрытием. Но положение серьезное, – подытожил Костя. – Парень не так просто бросился бежать. Значит, Тоня права: он следил за ней. И что еще важнее, был не один, его сопровождал мотоциклист. Кстати, эти типы кое-что потеряли, когда драпали. Вот, смотрите.

Он показал папку, и Шура немедленно схватила ее, чуть не оторвав Косте руки.

– Давайте посмотрим, что там, – азартно предложила она, подцепила ногтем кнопку и вытащила наружу журналы и целую стопку вырезок с фотографиями. На всех была запечатлена Тоня Потапова – участница конкурса «Успех», которую жюри окрестило «Мисс улыбка». Улыбка действительно была симпатичной, и фотографам не пришлось особо изощряться, чтобы сделать по-настоящему удачные кадры.

– Это какая-то шайка, – заключила Шура. – И они, совершенно точно, охотятся за Тонькой. Нужно немедленно заявить в милицию.

– Ничего не получится, – с сожалением заметил Костя. – На Тоню не напали, не причинили ей никакого вреда, так что милиция нас даже слушать не станет. С чем мы туда придем? С этой чехардой на улице и вырезками из журналов? Даже не смешно.

– Мне тоже не смешно, – дрожащим голосом заметила Тоня. – Если Бессонов прав и Андрея убили, мои перспективы не очень веселые.

– Не паникуй раньше времени, – сказала Шура. – Возможно, какой-нибудь маньяк увидел тебя по телику и потерял голову от любви. Бывают такие чокнутые, которым обязательно нужно кому-то поклоняться. Он стал за тобой следить, узнал, что у тебя есть жених, сбрендил от ревности и убил его. Но возможно и другое. Все началось именно с Фофанова. Его за что-то прикончили, а теперь хотят разделаться с тобой. На всякий случай. Я вот что думаю – вдруг Фофанов поделился с Леонидом Николаевичем какой-нибудь тайной? Они ведь водили дружбу. Тебя жених не хотел волновать накануне свадьбы, а дяде твоему все выложил.

– Но тогда придется рассказать дяде о слежке, а я боюсь его расстраивать, – засомневалась Тоня. – У него ведь большое сердце.

– Ну, знаешь! Если тебя укокошат, его сердцу легче не станет.

– Она права. Леонида Николаевича нужно ввести в курс дела, – согласился Костя. – Если хочешь, я сам это сделаю.

Никогда еще Тоня не видела его таким озабоченным. Обычно он выглядел спокойным и рассудительным, отлично скрывал свои эмоции. Ну, пожалуй, за исключением того раза, когда между ними произошло серьезное объяснение. Но тот раз не в счет. Мужчины ужасно уязвимы, когда говорят о чувствах.

– Нет, – решила она. – Лучше нам отправиться к дяде всем вместе.

Шура с ней немедленно согласилась:

– Точно! Втроем мы будем выглядеть силой, и дядя не так за тебя испугается.

* * *

Леонид Николаевич встретил племянницу с гостями львиным рыком. Только они поднялись по лестнице и приблизились к квартире, как дверь отворилась, и оттуда на площадку выскочила всполошенная девушка с белым чемоданчиком в руках. По всему было видно, что убегала она в страшной спешке – не попала в рукав кофточки и вся как-то некрасиво растрепалась. Щеки ее полыхали, а глаза смотрели в одну точку. Вслед ей неслись негодующие выкрики и абсолютно фантастические угрозы.

– Дядя! Что случилось? – крикнула Тоня, быстро миновав коридор и ворвавшись в гостиную. – Тебе снова не подошла медсестра?

Леонид Николаевич Изотов, величественный, как монарх, вышел из кабинета, неся впереди себя довольно заметный живот, в котором зараз могла поместиться дюжина бутылочек пива. Из-за обширной лысины и длинных седых волос голова была похожа на валун, обросший водорослями. Годы сложили его лоб гармошкой, сделав некогда красивое лицо несколько расплывчатым.

– Разве это медсестра?! – басом возопил он, не поздоровавшись с гостями. – Это мышь, а не медсестра! Уколы должна делать Даная, чтобы от одного ее шлепка по заднице дрожь пробирала. А у этой ручки толщиной с мышиный хвост. Она меня только покорябала! Сколько раз скандалил с главврачом, требовал, чтобы присылали опытных сестер, а не этих юных маргариток – все впустую.

Тоня, поняв, что не случилось ничего сверхъестественного, остановила его излишняя:

– Дядя, у нас к тебе важное дело.

– А, Костик, привет! – очнулся Изотов. – И Шурка тут, надо же, какая ты стала! – проворчал он, как будто видел ее последний раз не на прошлой неделе, а еще в те времена, когда она каталась по его квартире на трехколесном велосипеде. – Все хорошеешь!

Шура в ответ тихонько хрюкнула.

– Леонид Николаевич... – Костя решил, что как джентльмен должен взять на себя самое трудное и рассказать о том, что случилось возле метро. – У нас возникла проблема.

– У кого это у вас? – с неудовольствием спросил Изотов, хлопая себя по карманам в поисках сигарет.

Сколько ему ни твердили, что лечение никак не сочетается с пристрастием к никотину, он ничего не желал слушать и дымил, как старый завод, обложенный штрафами за загрязнение окружающей среды.

– Это у меня возникла проблема, – ответила Тоня. – Ребята пришли меня поддержать.

– Хватит уже с тебя проблем, – проворчал Изотов. – Мало того, что Андрюшка пропал ни за понюшку табаку? Ты что захандрила?

– Она не хандрит. Послушайте. – В голосе Кости послышалась досада. – За Тоней кто-то ходит по городу. Двое незнакомых мужчин...

– Мы засекли их и даже чуть не поймали, – похвасталась Шура, которая на самом-то деле участвовала только в последнем акте драмы и никого не ловила.

– Вот что у них было при себе, – продолжил Костя, протянув папку Изотову. – Здесь Тонины снимки – целая куча.

– Так это, наверное, ее поклонники! – Леонид Николаевич достал вырезки из журналов, небрежно перелистал их и тотчас сунул обратно. – После того как твои фотографии попадают в прессу, у тебя немедленно образуются поклонники. Особенно если ты красивая, разведена и успешно продвигаешься по службе... Вот парни и сходят с ума.

Тоня недоуменно посмотрела сначала на Шуру, потом на Костю. После чего пожала плечами:

– До сих пор никто не просил меня дать автограф. Не думаю, что дело тут в красоте. Нет, дядя Леня, ты ошибаешься.

– Боюсь, что Тоне угрожает опасность, – с тревогой заметил Костя, забрав у Леонида Николаевича трофейную папку.

И они еще боялись за его нервы! Да у этого непробиваемого человека просто нет нервов. По-настоящему он помешан только на Мейсене, Гарднере и Кузнецове, а до племянницы ему и дела нет.

– Оставьте свои детские выдумки про то, что Андрюшку убили, – заявил Изотов, опустившись в кресло возле журнального столика и придвинув к себе пепельницу. – Какой-то непонятный Сильвестр, неизвестно кто и что он такое, придумал убийство у себя под дверью. Может быть, ему делать нечего? Милиция ясно сказала: произошел несчастный случай. А там, знаете, не дураки сидят.

– Но ведь это милиция вывела меня на Бессонова, – возразила Тоня. – Значит, у них все-таки есть сомнения.

– Сомнения – вещь эфемерная, – возразил дядюшка. – Тебе ведь сообщили о результатах экспертизы? Вот и успокойся. А то, что за тобой по городу таскается какой-то парнишка, так на то и молодость, чтобы голову терять.

– Я бы не сказал, что это парнишка, – рассердился Костя. – Этому парнишке лет тридцать.

– А ты его хорошо рассмотрел?

– Лица не видел. Но по фигуре, по манерам...

– Вот что, мальчики и девочки, – пророкотал Изотов, закулив сигарету и с наслаждением откинувшись на спинку кресла, – хитрые убийцы бывают только в кино и книжках. В жизни все происходит по-другому. Преступник лупит вас в подъезде по голове бейсбольной битой

и убегает с награбленным, оставляя кучу следов. Его могут поймать, а могут не поймать – неважно. А в нашем случае что? Мотива нет, следов насилия нет, ограбления нет. Мы предадим тело бедного Андрюшки земле – я уже распорядился насчет похорон – и оплачем его, как подобает добрым христианам. Это мое последнее слово. Похороны завтра утром. Скромные, тихие. Если у кого-то есть желание прийти и положить на могилу цветы – пожалуйста.

– То есть ты считаешь, что я не должна обращать внимания на мужиков, которые ходят за мной по пятам, сличая с фотографиями из журналов? – обиженно спросила Тоня.

– Обращай, если тебе нравится. Начнут приставать, кричи караул и зови милицию – вот и весь сказ.

– А Фофанов вам перед смертью ни о чем таком не говорил? – на всякий случай поинтересовалась Шура, застывшая возле окна. Отодвинув занавеску, она зорко оглядывала двор с высоты птичьего полета. – Может быть, за ним тоже следили? Или он получал какие-то записки угрожающего содержания?

– Глупости, – пыхнул в ее сторону дымом Изотов. – Обычный парень, в поте лица своего зарабатывающий на хлеб насущный, не может иметь врагов, которые станут писать записки. И зачем за ним следить, помилуй бог? Он же не шпион какой-нибудь. Советую вам успокоиться и попить чаю. Хотите чаю? Когда нечего делать, все садятся пить чай. Так что вы пейте, а я пойду полистаю каталоги. Скоро должна заехать Изольда. Ей подарили уникальную вазу, я обещал посмотреть.

Он затушил окурок, выбрался из кресла и отчалил, оставив некогда бравое войско в полном смятении.

– Какая это Изольда? – удивилась Шура. – Тетка Потапова? Та самая дракониха? И ты подпускаешь ее к своему родному дяде?! – Она вытаращила глаза, как будто речь действительно шла об опасном животном, которое способно напасть на Леонида Николаевича и откусить ему голову.

– Что я могу сделать? – обиженно ответила Тоня. – Это уже не в первый раз. И всегда находит подходящий повод. Теперь вот у нее ваза!

– А ты до сих пор не забрала у Потапова ключи от квартиры. Уже год он пытается втереться обратно в вашу семью. Заявляется, когда ему вздумается, подбивает клинья к Леониду Николаевичу. Какие-то дикие отношения.

– Он очень одинок, – сказала Тоня. – Ты же его знаешь, Шура. У него невозможно ничего отнять, потому что тогда он обидится. А вынести вид обиженного Потапова не под силу даже человеку с каменным сердцем, не то что мне. Кроме того, он уже давно не заявлялся просто так, потому что знал об Андрее.

– Он заявлялся, – мрачно возразил Костя.

– Как? Ты что... Ты его видел?

– Не только видел, но и слышал. Я с ним отлично знаком. Сто раз я заставал его у Леонида Николаевича. Кстати, твой дядя продолжает называть Потапова зятем.

В комнате повисла неловкая тишина, которую, разумеется, нарушила Шура.

– Ладно-ладно. Нам сейчас не до охов и вздохов, – заявила она, добыв из сумочки сигару и с аппетитом глядя на нее. – Ну, Тонька, дядя тебя успокоил? Относительно преследователей? Может, это в самом деле были парни из твоего фан-клуба? Шизики, которые нацелились завладеть какой-нибудь твоей вещью, чтобы сделать из нее фетиш и поклоняться ему? Я недавно читала про одного продавца сосисок, который поставил целью своей жизни похитить лифчик известной голливудской актрисы. Хотел положить его под подушку. Без этого, говорил, ему все не в радость. Знаешь, я бы на твоём месте пару дней не выходила из дома.

– А как же работа? – спросил Костя, которому вообще-то понравилась идея заточить Тоню в четырех стенах, для надежности.

– У нее после «Успеха» целая неделя отгулов.

– Я собиралась готовиться к свадьбе, – сдавленным голосом напомнила несчастная невеста. – Но я не хочу сидеть дома. Кроме того, я должна поставить в известность всех, кого коснулась смерть Андрея.

– Значит, мне придется тебя сопровождать, – не терпящим возражения тоном заявил Костя. – Я, конечно, уважаю пожилых людей и ценю их опыт... Но мне кажется, Леонид Николаевич витает... в высших сферах.

– Это точно, – согласилась Шура. – Коллекционирование – такая засадная штука. Она развивает мозги только в одном направлении. А когда надо охватить непредвзятым взором картину мира в целом, тут-то и наступает коллапс.

– Не стоит преувеличивать, – заметил Костя, сторонясь сигарного дыма. Этот дым как будто специально лез в нос только ему одному. – Я, например, тоже коллекционер.

– А, ну да. Тоня что-то такое рассказывала. Будто у вас был сосед антиквар, который произвел на вас в детстве неизгладимое впечатление. То, что запало в голову в нежном возрасте, уже ничем не вытравишь, это я вам как психолог говорю.

– Разве вы психолог? – удивился Костя.

– Я создаю интерьеры. И мне приходится иметь дело с людьми, которые желают, чтобы им вручную лепили на потолках амуров и вырубали из мрамора ступеньки в подвал. Пообщаешься с такими поплотнее и против воли станешь психологом.

– Суть коллекционирования ведь не в том, чтобы таскать в свою квартиру дорогостоящие вещи, – сказал оскорбленный Костя.

– Знаю, знаю. Я сама в пятом классе собирала марки.

– И я вряд ли когда-нибудь свихнусь настолько, чтобы разориться ради какого-нибудь подсвечника.

– Да уж, трясись потом над ним, – согласилась Шура. – Нужно быть сыном миллионера, чтобы шарить по аукционам. Кстати, вы кем работаете? – с любопытством спросила она.

Костя Чихачев понравился ей до такой степени, что Шура втайне решила отбить его у подруги, невзирая ни на какие моральные нормы. Ей невыносимо захотелось узнать об этом человеке абсолютно все.

– Он переводчик, – ответила вместо него Тоня, как будто тот был маленьким и не мог говорить сам за себя.

– Я специализируюсь на техническом переводе, работаю в филиале крупной западной компании, которая занимается экспортом электрооборудования.

Шуре было приятно, что пояснения даны специально для нее. Конечно, она понимала, что не обладает подходящими данными для молниеносного покорения мужчин. Вряд ли Костя вот так сразу увидел в ней воплощение Греты Гарбо и загорелся мыслью продолжить знакомство на более короткой ноге. Придется проводить с ним как можно больше времени, чтобы поразить своим богатым внутренним миром. А сделать это можно только через подругу.

– Кстати, вы совершенно правы насчет того, что Тоню нужно сопровождать, – схитрила Шура, задумавшая втереться в их компанию. – У меня сейчас как раз промежуток между заказами, так что я вполне могу помочь. Сегодня вон как пригодились, – нагло напомнила она. – Вдруг придется применить силу. В любом случае нельзя сидеть сложа руки.

Глава 7

Точно так же думала и Майя Долинина – сидеть сложа руки никак нельзя. Соврав Сильвестру, что идет в магазин прикупить кое-что из предметов личной гигиены, она отправилась на охоту, задумав изловить старшего лейтенанта Половцева, поставив на него капкан в районе места прохождения службы. Конечно, Майя допускала, что его может не оказаться на месте. Он же не офисный служащий, вынужденный от звонка до звонка писать рапорты и отчеты, а человек дела, занимающийся живой оперативной работой.

К зданию местного отделения милиции она подкралась бесшумно, как ирокез. Благо вдоль забора, ограждавшего территорию, росли пышные кусты, из-за которых можно было наблюдать за входом. Светиться возле дежурного Майе не хотелось. И заявляться в кабинет Половцева тоже. Кто знает, как поведет себя старший лейтенант в присутствии коллег? Фокус был в том, чтобы перехватить его на улице и поговорить в неофициальной обстановке. Раз он сам рассказал Тоне Потаповой о Сильвестре, значит, поверил в его способности и вполне может согласиться немного помочь. Ведь еще до того, как было официально установлено, что труп «не криминальный», Стас успел провести предварительное расследование и опросил соседей. Это ей пришлось бегать за Мурочкиным по городу целых четыре часа, а потом еще удерживать его на мосту поцелуями. А старшему лейтенанту достаточно показать удостоверение, чтобы войти в любую квартиру и узнать решительно все, что требуется.

Она промаялась в кустах примерно полчаса. Рядом парковались оперативные машины, мимо проходили толпы озабоченных граждан, дефилировали кинологи с собаками, появилась даже небольшая группа людей в пятнистой форме с автоматами наперевес. От здания отделения милиции исходил brutальный дух, который ощущался даже на значительном расстоянии.

Как раз в тот момент, когда вся затея стала казаться Майе ребяческой глупостью, в поле ее зрения появился старший лейтенант Половцев собственной персоной. По-прежнему одетый в штатское, он походил на задержанного, вырвавшегося на волю после суточной отсидки в «обезьяннике». Вышел он не один, а с товарищем, гораздо более похожим на представителя правоохранительных органов. У него был бравый вид и усталое, но при этом совсем не мятое лицо. Они двинулись к воротам, перебрасываясь на ходу малозначащими фразами. Стоило им только оказаться на улице, как Майя выскочила из засады и бросилась наперерез.

– О господи! – пробормотал Стас, когда увидел перед собой курносый нос и знакомые зеленые глаза.

– Здравствуйте, старший лейтенант!

– Ты иди, Широков, – не ответив на приветствие, посоветовал тот своему спутнику. – Видишь, у меня тут дело образовалось.

– Пострадавшая? – с ухмылкой спросил Широков, плутовато подмигнув. – Или свидетельница?

Он прогулялся взглядом по фигурке Майи и поцокал языком.

– Катись давай, – отмахнулся Половцев.

Вероятно, он слишком резко дернулся – голова противно заныла. Языком он тоже ворочал с трудом. Выручала только профессиональная выдержка и та доза адреналина, которая попала в его кровь при виде зеленоглазой. Широков ретировался, продолжая противно ржать. Тут ветер дунул в другую сторону, и Майя неожиданно почувствовала, что от старшего лейтенанта несет перегаром.

– Вы пили! – изумленно воскликнула она.

– И что? Это сильно меня изменило? – нагло спросил он.

Майя была вынуждена признать, что не сильно. Нужно было выкладывать все сразу, иначе Половцев от нее улизнет. Судя по всему, больше всего на свете ему хотелось на что-нибудь опереться и закрыть глаза.

– Мне нужно с вами поговорить, – торопливо сказала Майя.

– Ну да? – насмешливо протянул он. – А я и не догадался.

– Я понимаю, что ваша работа связана с опасностями и риском. Наверное, поэтому вы такой колючий человек.

– Колючий в прямом или в переносном смысле?

Он сделал молниеносный выпад, больно схватил ее за запястье и потянул в сторону кустарника. словно два резвящихся лося, они проломились сквозь колючие прутья и очутились в палисаднике под деревьями, отгороженные от всего мира плотной стеной зелени. Здесь Стас сразу же отпустил Майю и встал напротив, наклонив лобастую голову вперед.

– Ну? – спросил он, глядя на нее тухлым взглядом. – Чего надо?

По его небритой физиономии невозможно было понять, о чем он думает.

– Я пришла просить вас о помощи, – неуверенно сказала Майя.

Разве будешь чувствовать себя уверенной, когда на тебя так смотрят? Поначалу-то она хотела разжечь в старшем лейтенанте искру человечности. Но теперь интуитивно поняла, что этот номер не пройдет и к цели следует проложить какой-то другой путь.

– Давайте просите, – разрешил Половцев, вытащив руки из-за спины и сложив их перед грудью. Видно было, что никакого вкуса к беседе у него нет.

– Я подумала, что вы с вашим опытом и знаниями не сможете равнодушно наблюдать за тем, как преступники остаются безнаказанными.

– Смогу, – заверил ее Стас. – Что-нибудь еще?

Как всякая женщина, которой не удалось добиться своего хитростью и лестью, Майя немедленно бросилась в атаку:

– К Сильвестру приходила невеста Фофанова, – запальчиво сказала она. – И не отпирайтесь, это вы ее к нему заслали! Она пришла и потребовала найти убийцу. Боссу пришлось ей пообещать, потому что она горько рыдала, а он этого не выносит. Но поскольку у босса нет удостоверения и пистолета, как у вас, он не может получить свидетельские показания.

– А они ему нужны? – делано удивился Стас. На его физиономии появилась кривая ухмылка. – Мне казалось, что ему достаточно щелкнуть пальцами и – раз, два! – дело в шляпе. Туда посмотрел, там понюхал, на зуб попробовал... Зачем ему свидетельские показания?

– Да вы ему просто позавидовали! – ахнула Майя. – Вам тоже хочется быть таким же проницательным, но не получается, да?

– Слушайте, чего вы сюда приперлись? – грубо спросил Стас, сменив расслабленную позу на угрожающую. – Вам нужны свидетельские показания? Так это служебная тайна, милочка. И вы их не получите.

Он начал наступать на нее широкой грудью, и Майя непроизвольно сделала шаг назад. Ее напугали глаза Половцева, в которых сверкнула необузданная ярость.

– А может, это был просто предлог? И вы сюда явились, чтобы со мной пококетничать?

Майя в панике попятилась и вдруг почувствовала, как ее лопатки коснулись чего-то твердого и холодного. Так и есть – позади бетонный забор и отступать решительно некуда.

– Может быть, я вам понравился?

Половцев был уже так близко, что от витавших вокруг него паров спирта могли воспламениться волосы. Губы у него были темные и сухие, и такие же темные и сухие глаза. Все это приблизилось к Майе на непозволительно близкое расстояние. Иными словами, между ними осталась только узкая щель, в которую с трудом могло бы протиснуться лезвие кинжала.

– Вы что, хотите меня поцеловать? – спросила Майя шепотом и затрепетала, как бумажка.

– Ну, если вы настаиваете...

Стас схватил ее одной рукой за талию, а другой за шею. Наверное, чтобы задушить при первых же признаках неповиновения. Только человеку, которого однажды прижимал к стене бульдозер, дано понять, каким получился этот поцелуй. Майя почувствовала, что на нее навалилась целая вселенная – горячая, пульсирующая, готовящаяся к взрыву. Ко всему прочему, от вселенной несло перегаром, табаком и кожей – вероятно, это был запах кобуры. Вселенная вторглась в ее рот и принялась вращаться внутри, разжигая адский костер. От него полетели такие искры, что Майя непроизвольно зажмурилась. Она падала в бездну, притягиваемая силой, которой невозможно было противостоять.

Все прекратилось внезапно. Стас отпустил ее, оттолкнулся двумя руками от забора и выдохнул так, как будто только что опрокинул очередной стакан водки.

– Чертова дура, – проворчал он. На его лице застыло злое раздражение. – Тебе что, приключений захотелось?

Он дышал так часто и бурно, что за две минуты смог бы накачать надувной матрас. Шокированная Майя смотрела на старшего лейтенанта остекленевшими глазами. Неожиданно кусты раздвинулись, и появился очкастый старичок с пушком на голове.

– Чего тут такое за безобразие? – строго спросил он. – Если дамочки пищат, нечего к ним и приставать!

Стас мигом развернулся к нему, рявкнув:

– Давай проваливай, хрен стоптанный.

– Тут рядом отделение милиции, – ехидно заметил старичок. – Щас я как закричу!

– Я сам милиция, – сказал Стас и приоткрыл пиджак, показав оружие.

Старичок немедленно отступил, громко проворчав напоследок:

– У, антихристы!

Майя, которая на самом деле вовсе не пищала и вообще не издавала никаких звуков, переступила с ноги на ногу и поежилась. Стас стоял неподвижно и смотрел на свою жертву взглядом вооруженного огородника, решающего, что делать с поганым зайцем, сожравшим его капусту.

Наконец решение было принято. Он отступил в сторону и резко махнул рукой, приказав:

– Пошла отсюда!

Ни слова не говоря, Майя ринулась прямо в кустарник. Продралась сквозь ветки и вывалилась на тротуар, едва не брякнувшись на асфальт. Она была до глубины души потрясена случившимся. Не то чтобы ее никогда не целовали сильно выпившие мужчины – бывало и такое. Но обращаться с ней столь цинично, когда она пришла просить помощи... Да уж, такой подлости от старшего лейтенанта Половцева она точно не ожидала.

Явиться домой в смятении чувств было бы ошибкой. Поэтому Майя некоторое время бродила по улицам, пытаясь успокоиться. Стоял безоблачный летний вечер. Синий купол неба медленно оседал на крыши, и в глубине каждого газона что-то упоительно стрекотало. Подышав воздухом, она достала из сумочки пудреницу и сунула в нее нос. Зеркало отразило лицо, которое вряд ли удалось бы пронести мимо Сильвестра без объяснений. Майе пришла в голову идея замаскировать только что испытанные переживания новыми, более свежими.

Добравшись до дому, она вызвала лифт и отправилась на девятый этаж допрашивать Жабина. После большой разборки с рубашкой и штанами она его больше не видела, впрочем, как и других участников драмы. Возможно, бедняга считает, что Майя его опозорила, и даже не пустит на порог. Однако в ответ на звонок Жабин немедленно открыл дверь. Выглядел он неважно – примерно так выглядит отец пятерых детей, когда мать этих детей уезжает на пару дней погостить к подруге.

– Здрасьте, – сказал он в ответ на вежливое приветствие. – Неужели опять что-то случилось?

– Да нет, с чего вы взяли?

– У вас такой вид, как будто вы только что с пожара.

– Ну, почти, – призналась Майя.

– Вам неплохо было бы чего-нибудь выпить.

– А что у вас есть? – спросила она, уверенная, что Жабину требуется поддержать дух не меньше, чем ей.

– Не знаю, надо посмотреть.

Он отступил в сторону, приглашая ее войти, а потом повел на кухню, шаркая тапочками по паркету.

– Надеюсь, вы не держите на меня обиды? – спросила Майя у его спины, которая вращала лопатками, пока ее хозяин копался в холодильнике.

– Ни боже мой, – ответил Жабин, появляясь с бутылкой горькой настойки. – Это сойдет? А закусывать придется конфетами – больше у меня ничего нет. Только конфеты и манная каша, пропади она пропадом.

Майя огляделась и увидела на плите обугленную кастрюльку, обросшую по краям хлопьями засохшего молока. На столе кисла плошка с зернистым месивом, в которую намертво влипла столовая ложка.

– Вам что, одолжили младенца? – спросила Майя, чокнувшись с Жабиным и быстро опорожнив предложенную ей рюмку.

Спиртное она не любила, но полагала, что сейчас у нее просто нет выбора. Лучше вернуться к Сильвестру пьяной, чем вдрызг расстроенной. Его пронительность граничила с колдовством и внушала ей мистический ужас.

– Вы просто не поверите в то, что случилось, – сказал Жабин, глядя на девушку с веселой злостью.

– Я? Неправда. Я поверю во все, что угодно.

– Тогда слушайте. Помните ту тетку, у которой я одолжил платье для нашего розыгрыша?

– Еще вы одолжили у нее чулки, – подсказала Майя. – И выдали ее за свою родственницу.

– Точно. Так вот, на самом деле это была никакая не родственница. А курьерша, которая развозит билеты, заказанные по телефону. Я собирался в Турцию. Эх, да что там...

Он выпил еще одну рюмку настойки и зашуршал фантиками. Освободил три конфеты и одну за другой покидал их в рот.

– А как вам удалось ее раздеть? – с любопытством спросила Майя. – Вы ей заплатили?

– Нет, я ее напугал. Сказал, что милиция ищет женщину-маньяка, которая только что задушила на лестнице парочку жильцов. От волнения с ней сделалась горячка. После того как все ушли, я не смог вытащить ее из постели. У нее поднялась высоченная температура, она вся пошла какой-то сыпью.

– Наверное, это вы накаркали, – предположила Майя, заметив свое отражение в стеклянной полке и удивившись тому, какой всклокоченной она выглядит. Вероятно, необузданность старшего лейтенанта Половцева подействовала на нее гораздо сильнее, чем показалось вначале. – Вы заливали про каких-то мадурайских комаров, помните?

– Надо же было как-то объяснить, почему тетя без одежды. Короче говоря, она теперь у меня тут болеет. А приехать и забрать ее некому.

– Вы вызывали врача?

– Он сказал, что это похоже на сильное нервное потрясение. От нервного потрясения, дескать, может быть все, что угодно, – и сыпь, и другие неприятные штуки. Поэтому тете нужно отлежаться и прийти в себя. Я кормлю ее манной кашей, – мрачно добавил он. – Больше она почему-то ничего не проглатывает.

– Может, у нее горло болит?

– Ничего у нее не болит, – возразил Жабин. – Иногда она песни поет. И соседи снизу сразу начинают стучать по батарее. Хотя она хорошо поет, с чувством. Слушайте, а чего вы

пришли? – неожиданно спохватился он. – Опять милиционеры нашли какую-нибудь дрянь в мусорном баке и приписали ее мне?

– Да нет, все нормально, – отмахнулась Майя, ощутив, что на кухне значительно потеплело. Даже стало жарко. – Я хотела уточнить насчет того случая с вашим побегом через крышу подъезда.

– Забавно, – сказал Жабин. – Сейчас об этом вспоминаешь как о приключении. А тогда мне казалось, что я попал в чей-то ночной кошмар.

– Мне важно узнать, что вы тогда заметили. Ведь именно в тот момент, когда вылезли на крышу, по лестнице спускался убийца, который пришел невинного парня возле нашей двери.

– Но я ничего не заметил!

– Вы говорили, он кашлял. Тот, кто спускался.

– Не кашлял, а покашливал. Точно как Чепукин. Его я испугался даже больше, чем Янова. Однажды этот тип заманил меня к себе в квартиру и подверг многочасовой пытке. Он говорил, и говорил, и говорил... И выпустил только потому, что я замахнулся на него табуреткой. А когда я лез в окно, то был очень расстроен и про себя решил, что пришью его сразу, без предупреждения – пусть только появится.

– Но вы его не видели, – констатировала Майя.

– Не видел.

– Давайте вернемся к убийце, – предложила Майя. – Значит, он покашливал. А может быть, что-нибудь бормотал?

– Ничего он не бормотал. Впрочем, мне было не до этого, знаете ли.

– А он не топал? – не отставала Майя. – Стучали каблуки по ступенькам или нет?

– Я тогда обращал внимание только на голос Янова, который разговаривал по мобильнику. Так я хотя бы мог сориентироваться, где он находится. Впрочем, нет, тот, кто спускался сверху, не топал. Потому что я еще подумал – он может появиться в любую секунду. Значит, это был убийца? Выходит, наткнись он на меня, запросто мог бы пришить?

– Не думаю, что он готов был кромсать народ направо и налево, – пожала плечами Майя. – Он же хитрый, хотел, чтобы подумали, будто никакого убийства не было, а тот парень просто поскользнулся на банановой шкурке. Вроде как это судьба, злой рок. Ему невыгодно было убивать кого-то еще.

Жабин сокрушенно покачал головой и задумчиво посмотрел на бутылку.

– Предлагаю освободить посуду.

Майя согласилась, и они махнули еще по рюмке, зажевав их конфетами. Конфеты были лежалые, покрытые белым налетом. Вытерев рот тыльной стороной ладони, гостья решила откланяться и напоследок посоветовала Жабину успокаивать больную «тетю» теплыми грелками и тягучими ирландскими песнями, которые можно купить в любом музыкальном киоске возле метро.

Прошагав пешком три этажа, она достала связку ключей и открыла дверь. За дверью стоял Сильвестр Бессонов и молча смотрел на нее.

– О, босс! – оживленно воскликнула Майя. – Как дела?

Ее улыбка была такой же яркой и фальшивой, как те стеклянные побрякушки, которыми торгуют в подземных переходах.

– Тебя не было целую вечность, – попенял он, окинув ее внимательным взглядом. – Почему ты такая потрепанная?

– Разве я потрепанная? – удивилась Майя, приглаживая волосы обеими руками.

– Ты похожа на чемодан, побывавший в кругосветном путешествии. И от тебя пахнет спиртным. Ты что, предавалась разврату?

Майя выпятила подбородок, изображая обиду:

– Так вот что вы обо мне думаете!

– Послушай, ты отправилась покупать себе всякие штучки-дрючки, а вернулась пьяная и с пустыми руками. Что еще я должен думать?

– Разве я пьяная? – с еще большим удивлением спросила она.

– Скажем так: нетрезвая. И ты вряд ли способна приготовить ужин.

– Почему это? Сейчас немного полежу и приготовлю.

Сильвестр ни на секунду не отставал от нее, хотя Майя делала все возможное, чтобы ускользнуть. В конце концов она попыталась закрыться в ванной, но он подставил ногу и не дал двери захлопнуться.

– У тебя явно что-то случилось. Попался еще один поклонник, помешанный на кроликах?

– Какая вам разница? – спросила Майя, дергая дверь на себя.

– Хочу знать точно. Возможно, ты перебарщиваешь. Если он художник, который пользуется беличьими кисточками, то я вовсе не против ваших отношений.

– У меня нет никаких поклонников.

– Не ври. Я вижу, ты с кем-то целовалась.

Майя высунула язык и провела им по губам.

– Можешь не облизываться, тебя выдали глаза.

– Глаза?

– Да, твои бегающие глазки, – протянул Сильвестр и принялся рассуждать вслух: – Раз тебе стыдно, значит, это был не поклонник. Тут что-то другое.

– Конечно, поклонник, – небрежно возразила его помощница. – Я ни с кем больше не целуюсь.

– Недавно ты целовалась с Мурочкиным. А! Кажется, я догадался. Ты ходила к Жабину?

– Да, – с облегчением призналась Майя.

– И вы с ним выпили?

– Точно. А потом поцеловались на прощание. Я хотела его поддержать, потому что та тетка, которую он выдал за свою родственницу, до сих пор лежит у него в постели. Только теперь она вся покрылась сыпью. Разве можно было уйти просто так?

– В самом деле, уважительная причина.

Сильвестр убрал ногу, и Майя наконец осталась один на один со своим отражением. Отражение ей очень понравилось – оно было симпатичным и веселым, хотя и немного расплывчатым.

– Не советую тебе лезть в ванну, – крикнул босс из-за двери. – Ты можешь поскользнуться и разбить свою легкомысленную голову.

Она не стала его слушать и включила душ. Сильвестр чертыхнулся и остался стоять в коридоре, чтобы хотя бы на слух контролировать процесс. Когда его помощница появилась на пороге ванной комнаты, он снова принялся доставать ее вопросами. Она во всех подробностях рассказала ему о своем разговоре с Жабиным и отправилась на кухню чистить овощи для ужина.

– У меня есть новый фильм с Кевином Костнером, – сказал Сильвестр, следуя за ней. – Не поверишь, но он все еще играет героев-любовников.

– Кевин Костнер – это прекрасная мечта! – надменно ответила Майя. – А я мечтать завязала. Бесплодные мечты вредят девушкам больше, чем беспорядочный секс.

– Первый раз слышу из твоих уст слово «секс». Вероятно, ты здорово наклюкалась. Надеюсь, это была не паленая водка из ларька напротив?

– И не ореховый ликер. Можете не волноваться.

Он хмыкнул и ушел к себе, задумчиво почесывая бровь. С ней явно было что-то не то, и Сильвестру хотелось докопаться до правды, потому что, несмотря на свою безоговорочную зависимость от помощницы, он одновременно ощущал и свою ответственность за нее.

Как старший за младшую и как начальник за подчиненную. Как мужчина за женщину, наконец. Он втянул ее в расследование совершенно реального убийства, которым занялся с подачи Стаса Половцева. Вспомнив про старшего лейтенанта, Сильвестр неожиданно ощутил сосущую пустоту в желудке. Он подошел к письменному столу и достал из ящика визитную карточку, которую Половцев вручил ему во время своего первого визита. На карточке были напечатаны два телефона – рабочий и мобильный. Мобильный! Как раз то, что надо. Сильвестр поднял телефонную трубку и принялся набирать цифры. На вызов ответили после сто восьмидесяти пятого гудка.

– Половцев слушает.

Свою фамилию опер произнес настолько невнятно, что сразу стало ясно – он трагически пьян.

– Это Сильвестр Бессонов, помните меня?

– Чего надо? – выдержав значительную паузу, спросил старший лейтенант.

При других обстоятельствах Сильвестр ответил бы, чего ему надо. Но сейчас ломать копья было бессмысленно. И он просто спросил:

– Вы сегодня виделись с моей помощницей?

– Э-э-э... – протянула захмелевшая трубка. – Скажите ей... что я... извиняюсь.

Короткие гудки подытожили то, о чем Сильвестр уже догадывался. Майя встречалась именно с Половцевым. Сначала он ее напоил, а потом распускал руки. Никаких сомнений. Она понравилась подлецу в тот самый миг, как он ее увидел. Возможно, Половцев заслал к ним Тоню Потапову только для того, чтобы иметь повод еще раз встретиться с Майей и соблазнить ее. И не верит этот гад ни в какое убийство.

Сильвестр опустился в кресло и прислушался к своему самочувствию. Все было в порядке, если не считать того, что кровь стучала в виски с такой силой, будто решила проделать в его голове пару лишних отверстий. Он сцепил руки перед собой, некоторое время сидел неподвижно. После чего резко поднялся. Это был совершенно другой человек, чем минуту назад, – собранный, жесткий, решительный. Открыв шкаф, он достал джинсы и льняную рубашку и быстро переоделся.

Когда в полной боевой готовности босс появился на кухне, Майя как раз ставила на плиту кастрюлю с водой и напевала себе под нос любимую песню: «О-о-о, сладкий голос сирен плывет над водой. О-о-о, жизнь так печальна».

– Эй, – окликнул он, – я все знаю. Ты сегодня ходила на свидание со старшим лейтенантом Половцевым. И он позволил себе кое-что лишнее.

Майя повернулась и посмотрела на Сильвестра с печальным ужасом – как ослик Иа на свой хвост, который он обнаружил после долгих поисков привязанным к виселице.

– Джинсы и рубашка? Вы одеты для выхода? – потрясенно спросила она. – А в кармане ингалятор? Вы куда-то собрались?

– Я собираюсь раскрыть это чертово убийство, – ответил Сильвестр. – Считаю сегодняшний поступок Половцева превышением служебных полномочий и хочу доказать, что как профессионал он не стоит выеденного яйца. Он просто шавка. Я в два счета утру ему его оперское рыло. Запомни то, что я сказал.

– Куда вы? – бросилась за ним Майя.

– Опрашивать старушек, – ответил Сильвестр, гремя ключами. – Начну с первого этажа и буду двигаться все выше и выше. До тех пор, пока мне все не станет ясно.

– Я пойду с вами.

– Нет уж, уволь. Ты надралась, как ямщик. На сегодня ты отстранена от должности помощницы. Постарайся ничего не спалить на кухне и поскорее ложись спать.

У Майи задрожал подбородок, но босс уже повернулся к ней спиной и вышел из квартиры. Обычно в такие моменты ему становилось здорово не по себе. Подъезд таил в себе массу

опасностей. Любой вредный подросток с распылителем способен вывести его из строя. Любая такса, которой взбрет в голову потереться о его ноги, любая дама, злоупотребляющая парфюмерией, шершень, озверевший от неудачных попыток выбраться на свежий воздух... Он запретил себе думать о приступах удушья и двинулся вниз по лестнице, внимательно глядя под ноги и прислушиваясь.

Когда он проходил по площадке пятого этажа, сволочь Джинерва, жирная белая болонка, которой повязывали бант между ушей, зашла в визгливом лае и так голосила, как будто ее живьем зажаривали на сковороде. Точно так же она заливалась в день убийства Фофанова, но кому это помешало?

– Молчи, шаурма с хвостом, – пробормотал Сильвестр, с неудовольствием поглядев на дверь, за которой собака проживала вместе со своей хозяйкой, носившей пышное имя Алевтина Витальевна.

О главном препятствии, которое могло преградить ему путь к разгадке тайны, Сильвестр даже не подумал. Тем не менее препятствие оказалось непреодолимым – ни одна старушка не открыла ему дверь. Хрупкие мышки, подкованные участковым милиционером старой закваски, который все еще ходил по квартирам, просвещенные телепередачами вроде «Криминальной хроники», они затаились в своих норках и не желали вступать в переговоры с «соседом с шестого этажа». Обескураженный, он нажал на кнопку звонка квартиры номер два, надеясь, что здесь у него не должно возникнуть никаких проблем. С хозяйкой квартиры Пелагеей Матвеевной он был накоротке. Она считалась ответственной по подъезду и много раз заходила к нему по всяким «подъездным» делам: собирала деньги для уборщицы, подписи под требованием отремонтировать дверь в подвал, раздавала новые ключи от почтовых ящиков.

Пелагея Матвеевна сразу узнала Сильвестра и пригласила его войти.

– Ты чего это сегодня один? – удивилась она, глядя на гостя с тревожным любопытством.

Это была самая крепкая, бодрая и оптимистичная бабушка в их большом доме. А в молодости наверняка считалась самой заводной девчонкой класса. Наверное, поэтому ее глубоко запавшие глаза до сих пор не потеряли своего синего цвета.

– Майя плохо себя чувствует, – ответил визитер и не покривил душой. Вряд ли его помощница чувствовала себя хорошо – особенно теперь, когда он ее разоблачил. – Мне нужно у вас кое-что спросить. Помните тот день, когда я ездил к врачу и встретил вас возле подъезда с подругами?

– А потом нашли труп? – сразу сообразила Пелагея Матвеевна. – Разве такое забудешь? Да ты проходи, чего стоять на пороге.

Продвигаясь по коридору, Сильвестр мазнул взглядом по вешалке, тумбочке и всему тому, что на ней лежало. А лежало там много чего, в том числе и весьма увесистая связка ключей.

– Хочешь чаю? – спросила хозяйка, одетая в теплый байковый халат и тапки с меховыми помпонами.

– Спасибо, нет, – отказался Сильвестр.

Ел и пил он только дома. И лишь после того, как тщательно проверял содержимое тарелок и стаканов. В последнее время в этом вопросе он научился полагаться на Майю. Впрочем, сегодняшний день нужно будет вычеркнуть из календаря – пьяный не может отвечать за свои поступки, поэтому проглотить то, что она наготовила, он вряд ли отважится.

Устроившись на диване перед негромко разговаривающим телевизором, Сильвестр зорко оглядел комнату в поисках цветущих фиалок или засушенного ковыля, засунутого в напольные вазы. Ничего такого не обнаружил и успокоился.

– Так что там с трупом? – спокойно спросила Пелагея Матвеевна.

Сильвестру понравилось ее хладнокровие – он терпеть не мог женского сюсюканья и бурного проявления чувств. А тех дам, которые ахали и закатывали глаза, называл актерками.

– Когда мы с Майей входили в подъезд, вы сидели на скамейке, – еще раз напомнил он. – Можете вспомнить, когда вы вышли на улицу?

– Да к тому времени минут двадцать как вышла. А девчонки прямо перед самым вашим появлением спустились.

– Минут двадцать? – изумился Сильвестр. – И вы видели, как подъехал Янов?

– Еще бы не видеть. У него автомобиль огромный, как автобус. Его все замечают. Особенно потому, что он скорость не снижает, заезжая во двор. Вот однажды ему молодые мамыши колеса-то попрытыкают.

Выходит, что высунуться на улицу сразу после преступления убийца точно не мог. Осталась первая версия – он спрятался в одной из квартир, переждал там поднявшуюся суматоху, милицию и «Скорую помощь», а потом, преспокойненько покинув подъезд, отправился восвояси. И кто-то из жильцов хранит его тайну.

– Мы около полуночи только по квартирам разошлись, – призналась Пелагея Матвеевна. – Шутка ли, такое происшествие!

– Не видели незнакомых людей?

– Только милиционеров, прости их господь, и докторов. А так больше никого.

– Никто не выходил из подъезда подозрительный?

– Никакой не выходил, – уверенно ответила старушка. – И ночью тоже. У меня давление поднялось, я спать не ложилась. Так и просидела до рассвета у окна, таращилась во двор.

Сильвестр призадумался. Неужели логическая цепочка, которую он выстроил, содержит слабое звено? Но где оно? В чем он ошибся?

Он представил себя на месте убийцы. Подъезд, день, снизу кто-то поднимается и разговаривает по мобильному телефону. Он взбегает наверх, отчаянно надеясь, что жилец не доберется до шестого этажа и не увидит труп. На его счастье, тот живет на третьем. Как только за его спиной захлопывается дверь, убийца птицей слетает вниз и видит, что путь на свободу перекрыт, – целая свора старушек сидит на скамейке возле подъезда. Они наверняка запомнят его, опишут во всех подробностях. А то еще привяжутся с какими-нибудь вопросами. Он пытается найти другой выход... Какой?

– Послушайте, – неожиданно спросил Сильвестр, наморщив лоб, – у вас что, замок на двери сломался?

– Как догадался? – с подозрением спросила старушка.

– На вашей связке все ключи обычные, а один блестит, как надраенный. Значит, новенький совсем.

– Ну, точно. Один замок сломался. Нижний. А потом починился.

– Когда же вам его чинили? В тот самый день, верно?

Догадка Сильвестра еще только обретала форму.

– Да вот как раз когда я на скамейке сидела, тогда и чинили.

Сильвестр точно помнил, что, когда они с Майей поднимались наверх, на площадке первого этажа все было как обычно. Вероятно, мастер не держал дверь открытой, а время от времени захлопывал и проверял работу. Могло случиться так, что убийца, наткнувшись на старушек возле подъезда, ринулся обратно, и тут прямо перед его носом открылась дверь квартиры номер два и появился слесарь. Преступник находился в отчаянном положении, он вполне мог симпровизировать. Подошел и сказал: «Как работа? Сможем на ночь запереться или придется спать с открытой дверью? Ну ладно-ладно, вы работайте, а я пойду вздремну». Протиснулся мимо слесаря, вошел, как к себе домой, и через окно в кухне, которое выходит на задний двор, выбрался на улицу. В палисаднике растут густые кусты, вполне можно было уйти незамеченным. На улице жуткая жара, окна наверняка были открыты. Если это правда, то слесарь ничего не сказал Пелагее Матвеевне. Да и что ему было говорить? Она приняла работу, расплатилась и отпустила его на все четыре стороны.

– Пелагея Матвеевна, – обратился Сильвестр к старушке, которая тревожно смотрела на него, – а кто вам замок менял? Слесарь из ЖЭКа?

– Дождешься его, – ворчливо ответила она. – Он в отпуск ушел. А я заявку когда еще сделала! Так внучка мне из платной фирмы слесаря спроворила. Узнала, сколько будет стоить, денег дала, все честь по чести.

– Раз из фирмы, – авторитетно заявил Сильвестр, – тогда вам должны были оставить квитанцию.

– Конечно, оставили. По этой квитанции целый год гарантии. Только гарантия какая-то странная. Говорят, если замок сломается по вашей, бабушка, вине, то гарантия работать не будет. А как узнать, по чьей вине? Замок сам не скажет, правильно? Сейчас у нас мода такая, – философски заключила она, – делать все так, чтобы денег побольше взять и чтобы гарантия не срабатывала.

– Значит, квитанцию вы сохранили? – продолжал расспрашивать Сильвестр. – А слесарь хороший? Я тоже подумываю замок поменять.

– Да ты не крути, – сердито оборвала его Пелагея Матвеевна. – Я-то знаю, что ты милиции помогаешь. И если хочешь на эту писульку посмотреть, так и скажи.

– Хочу. Если можно.

Старушка проворно поднялась на ноги и отправилась в другую комнату, где пробыла не больше минуты. Возвратившись, она вручила Сильвестру аккуратно сложенную квитанцию и тут же спросила, заговорщически понизив голос:

– Думаешь, слесарь и есть душегуб?

– Не исключено, – пробормотал он, запомнив название и юридический адрес фирмы, которая продавала, устанавливала и ремонтировала замки. Подумал, может понадобится и номер заказа.

У Пелагеи Матвеевны в это время мозги работали совсем в другом направлении.

– Выходит, пока слесарь бегал на шестой этаж того мужчину убивать, у меня квартира открытая стояла?!

– Не волнуйтесь, он никого не убивал, – успокоил ее Сильвестр, – но мог видеть преступника, который спускался по лестнице.

Выкладывать бабусе свои соображения относительно того, что убийца почти наверняка прокрался через ее кухню и выпрыгнул в палисадник, конечно, не стоило. Вряд ли это скрасит ей жизнь и уж точно не принесет никакой пользы расследованию.

– А фирма эта хорошая, – пожевав губами, сказала Пелагея Матвеевна. – Мне отсюда вчера звонили – проверяли, как их мастер свою работу выполнил. Хорошо ли ключ поворачивается, и все такое.

Сильвестр похолодел.

– А кто звонил – мужчина или женщина?

– Мужчина. Весь из себя вежливый, уважительный. Приятный человек, ничего не скажу.

– А он просил посмотреть номер заказа на квитанции?

– Просил. И фамилию мастера узнавал. Я еще подумала – откуда я его фамилию возьму? Подпись, говорю, неразборчивая. Каракули какие-то. Сам-то погляди на ту подпись, разве она на фамилию похожа?

Сильвестр развернул квитанцию и посмотрел на нее еще раз, хотя и так все отлично помнил. Внизу вместо фамилии мастера действительно красовалась простая закорючка, без которой вполне можно было обойтись. Сущая проформа, а не подпись.

– А когда звонил этот человек? Утром или вечером?

– Утром, часов в десять. Я как раз из булочной пришла. Туда хлеб в полдесятого привозят. А я всегда себе свежую булку покупаю, потому что старикам дрожжи нужны. Тебе-то,

конечно, еще рано об этом думать, – вздохнув, заметила она. Как будто жалела, что Сильвестр еще не достиг преклонного возраста и ему не нужно заботиться о питательности продуктов.

– Он что-нибудь еще говорил? Хоть что-нибудь? – напирал Сильвестр, прикидывая, сколько у преступника было времени для того, чтобы провернуть еще одно дельце. Пришел к выводу, что слишком много, и чертыхнулся про себя.

– Да нет, больше ничего, – пожала плечами Пелагея Матвеевна. – А что это ты так напряжился? Плохо дела складываются?

– Пока не могу сказать, – признался Сильвестр. – Но вы мне очень помогли, огромное вам спасибо.

– Хорошо бы толк от моей помощи был, – рассудительно заметила Пелагея Матвеевна. – А что, милиция не хочет ловить этого душегуба-то?

– Они целиком полагаются на меня, – решил придать себе веса Сильвестр. Просто на всякий случай. Вдруг еще придется общаться с соседями. А в том, что Пелагея Матвеевна донесет до них эту информацию, он почти не сомневался.

Несмотря на охватившую его тревогу, он не мог приступить к делу прямо сейчас. Было уже слишком поздно, и все конторы, в том числе и по ремонту дверных замков, наверняка закрылись. Возвратившись домой, он на всякий случай позвонил по номеру, указанному в квитанции, но трубку никто не поднял. Оставалось ждать утра.

Удостоверившись в том, что Майя благополучно добралась до постели, Сильвестр отправился в собственную спальню и тоже лег, призывая сон и прогоняя навязчивые мысли. Интуиция подсказывала ему, что завтра наверняка что-то случится. Или уже случилось. Однако Майе о своих подозрениях решил не говорить. Чтобы беду не накликать.

Глава 8

Фирма «Ключник», название и адрес которой Сильвестр обнаружил на квитанции, показанной соседкой, располагалась довольно далеко. Майе пришлось ехать на метро, а потом тащиться несколько остановок на троллейбусе. Всю дорогу она размышляла о том, как бы ей половчее выпросить все о мастере, чинившем старушке замок. И под каким именно предлогом. Шеф инструкциями ее не баловал. Решила действовать по-простому: хороший, говорят, у вас мастер, хочу его пригласить.

Довольно продолжительное время ушло на расспросы аборигенов – где именно находится дом номер такой-то, корпус такой-то: контора, как и подавляющее большинство подобных мелких фирмочек, располагалась в переоборудованной квартире на первом этаже заурядной московской пятиэтажки.

Вполне благообразная металлическая табличка на входной двери содержала необходимый Майе минимум полезной информации, а именно – что здесь находится ООО «Ключник» и что работает эта контора ежедневно с десяти до двадцати ноль-ноль без выходных.

«Надо же, – подумала Майя, – без выходных. Наверное, клиент идет косяком – в будний день еще можно отыскать специалиста, способного решить проблему, а в субботу или воскресенье где его взять? Вот даже из других районов вызывают, как Пелагея Матвеевна».

Проникшись к неизвестным ей сотрудникам фирмы уважением, Майя открыла тяжелую железную дверь и вошла.

Посетителей еще не было – видно, слишком рано. Никаких мастеров специфического вида – в промасленных халатах и с инструментами – тоже не наблюдалось. За типовой офисной стойкой, перегородившей комнату пополам, сидела невзрачная молодая дама и, судя по фразам, которые она отрывисто бросала в трубку, принимала очередной заказ от очередной жертвы коварных дверных механизмов. На бэйджике, прикрепленном в районе левого карманчика делового пиджака, было крупно выведено – «Оля». Занятая сложным переговорным процессом, представительница фирмы даже не подняла на посетительницу глаз. Перед стойкой цивилизованно стояло несколько милых низеньких стульчиков, на один из которых Майя и уселась.

Закончив разговор, женщина за стойкой немедленно уткнулась в бумаги и стала что-то быстро писать. Майя негромко покашляла, пытаясь обратить на себя внимание, и даже приподнялась со стула, но тут снова зазвонил телефон, и приемщице заказов опять стало не до нее. То же произошло в третий, и в четвертый, и в пятый раз. Подъем со стула – звонок – падение на место.

После шестой попытки наладить контакт Майя вдруг подумала, что со стороны выглядит как паралитик, неожиданно и беспочвенно возмнившийся, что может самостоятельно сделать зарядку. Времени у нее было мало, дома информацию с нетерпением ожидал Сильвестр, да и не любила Майя, когда ее выставляли идиоткой. Старший брат учил ее, что победить хамство можно только при помощи хамства. Хамить она не любила и не умела. Но теперь решила попробовать. Она встала со стула во весь рост и громко поинтересовалась:

– На меня обратят внимание или для этого мне надо поджечь вашу контору?!!

Оля вздрогнула и, извинившись перед телефонным собеседником, закончила разговор, испуганно уставившись на возмутительницу спокойствия.

– Что вылупилась? – продолжила наступление Майя. – Я тут загораю уже час, а у вас, блин, не солярый. Мне что, делать больше нечего?

– Простите, – развеяла ее опасения приемщица, видимо, перепуганная этой вспышкой немотивированной агрессии. – Я как раз собиралась вас выслушать...

На столе снова разрывался телефон, и обе женщины непроизвольно косились на него. Интуитивно почувствовав, что наступление надо развивать, Майя заявила:

– Не вздумайте брать трубку, я не ручаюсь за последствия.

– Нет, нет, я вас слушаю. – Женщина за стойкой уже позорно капитулировала. – Чем мы можем вам помочь? Какие у вас проблемы?

– Я пришла выразить вашей фирме огромную благодарность, – взяла быка за рога Майя.

Приемщица Оля, судя по выражению ее лица, решила, что грозная клиентка готовит какую-то каверзу и для начала решила вдосталь поиздеваться над ни в чем не повинными спасителями замков.

– Но... – проблеяла она, – у вас... у вас претензии? Мы могли бы...

– Да нет, – дружелюбно улыбнулась Майя, ощущая себя испанским конкистадором, пытающимся найти общий язык с глупыми индейцами, знающими, однако, где спрятано золото. – Все как раз наоборот. Вы меня слушаете?

– Да! – тут же выпалила Оля, видимо, решив, что если склочная посетительница хоть на секунду усомнится в этом, то переведет планы поджога офиса из сферы теоретических выкладок в практическую область.

– Так вот, я пришла поблагодарить мастера, который на днях чинил замок у моей тети. Он так его починил, что старушка просто счастлива. От радости у нее прихватило сердце, и она не успела его отблагодарить...

Тут сердце, похоже, прихватило у женщины за стойкой, она охнула, побледнела и схватилась рукой за бэйджик, точнее, за то место, где он висел. Похоже, решила, что сейчас фирме предъявят обвинение в том, что ее сотрудник довел клиента до смерти.

– Так вот, – затараторила Майя, видя, что контакт отчего-то не налаживается, – я хотела бы лично поблагодарить этого мастера, передать ему благодарность тети и заодно пригласить его починить замок у меня в квартире. Муж, знаете ли, делать сам ничего не хочет.

Приемщица Оля стала медленно возвращаться к жизни, на щеках даже выступил румянец – дело прояснялось.

– Так вам нужен мастер? – Она с облегчением выдохнула и даже сделала рукой этаким летящий жест – то ли поправила прическу, то ли почесала в затылке.

– Мастер, мастер, – обрадованно закивала Майя, очень надеясь, что странное общение с приемщицей наконец закончится и она сможет приступить к выполнению поставленной Сильвестром задачи. – Какой-то ваш мастер, который к тете приходил.

– А кто это? Как фамилия? – спросила Оля.

– Да вот не спросила она. Скажите, а по номеру заказа или по квитанции вы можете его найти? А то там такая подпись странная, ничего не разобрать, закорючка одна, и все.

– Конечно, давайте, – женщина за стойкой протянула руку.

Обрадованная, что взаимоотношения противоборствующих сторон вошли наконец-таки в конструктивное русло, Майя протянула полученную от Сильвестра, а им, соответственно, от соседки Пелагеи Матвеевны квитанцию.

Как скоро выяснилось, радоваться она начала рановато. То есть сначала все было нормально – Оля взяла квитанцию и внимательно ее осмотрела. Но, видимо, тоже не поняла, чья закорючка на ней стоит, потому что сказала:

– Все в порядке, я сейчас посмотрю в нашей базе данных, кто из мастеров выезжал по этому заказу. – И, как бы извиняясь, добавила: – Очень много заказов, и сотрудников немало. По вызовам почти два десятка человек выезжают. Да еще те, кто здесь, на месте, клиентов обслуживает. Сейчас по номеру гляну...

Некоторое время приемщица шарил в дебрях своего компьютера, потом сверялась с какими-то бумагами, снова искала что-то в компьютере, а потом... неуверенно и испуганно

подняла глаза на Майю, молча, со скорбным выражением лица уставилась на нее. При этом она не реагировала даже на треск служебного телефона.

Сначала Майя так же молча пыталась смотреть на Ольгу, поведение которой опять стало подозрительным и непонятным. Немая сцена продолжалась минуты три. Затем Майя решилась нарушить трагическую тишину:

– Что-то случилось? Похищены секретные файлы с фамилиями слесарей?

– Н-ничего, – запнулась побледневшая Оля. – Подождите здесь, я... я сейчас схожу за менеджером, который... который, наверное, вам поможет.

– Я не поняла... – начала медленно закипать Майя, уже изрядно уставшая и слегка обалдевшая от происходящего. – Я...

Но тут ее собеседница выкинула следующий фортель – схватила со стола злополучную квитанцию и, крепко зажав ее в кулачке, рванула куда-то в глубь помещения, опрокинув кресло, оказавшееся у нее на пути. Через секунду она уже скрылась за красивой деревянной перегородкой.

«Ни фиги себе!» – только и успела подумать Майя, провожая взглядом удаляющуюся Олину спину. Еще некоторое время она простояла с неприлично раскрытым ртом – хорошо хоть, этого никто не видел, – а потом рухнула на тот самый стульчик, с которого не так давно и, как казалось, весьма успешно стартовала в качестве ушлого расследователя.

Майя очень хотела сконцентрироваться и понять, что же сейчас необходимо делать, но вместо этого в голову лезла какая-то ерунда – что Оля эта сумасшедшая, что сейчас она вызовет охрану и грубые мужики выволокут Майю во двор и с позором швырнут на клумбу с цветами, а может быть, и прямо на асфальт. Сосредоточиться на деле было невозможно. «Все, – в отчаянии думала она, – я провалила задание. Сильвестр меня высмеет – за бездарность и никчемность. И правильно сделает!» Тут раздались голоса, и Майя инстинктивно съежилась на своем стульчике и зажмурилась – идут!

Когда она наконец приоткрыла один глаз, то увидела, что перед ней с выжидательной, но грустной улыбкой на устах возник приятный мужчина лет сорока, маленький, лысый, в больших старомодных очках. За его небогатырской спиной маячила Оля с несчастным лицом и заплаканными глазами.

– Скажите, пожалуйста, – начал было мужчина, но входная дверь распахнулась, и появилась делегация в составе четырех человек. Первой шла крупногабаритная тетка, за ней понурый молодой человек, державший за руку девушку. Девушка, в свою очередь, держала за руку карапуза лет трех. Тетка на вытянутых руках несла нечто, завернутое в клетчатую тряпку. Судя по теткинскому лицу, решительному и скорбному, ее ноша могла оказаться чем угодно – бомбой с часовым механизмом, человеческими останками, пробиркой со смертельными для человечества микробами. Майя, Оля и неизвестный лысый мужчина озадаченно взирали на вошедших.

– Эти сволочи, – начала тетка без предисловий, – сломали мне замок на даче! Ему тридцать лет! Его делали до всех этих ваших перестроек! Поэтому он и работал тридцать лет! А они сломали! Верните мне его! Верните! Я найду этих мерзавцев, я отомщу им!!!

Она вдруг завывала, как вдова полицейского комиссара в малобюджетном голливудском боевике. Потом развернула свою тряпку, явив миру части гигантского замка, каковым, судя по устрашающим размерам, можно было запираť любые ворота, вплоть до кремлевских.

– Нам здесь не дадут спокойно поговорить, – вполголоса сказал лысый мужчина Майе, – прошу вас, пройдемте в мой кабинет. А вы, – громко обратился он к стенающей тетке, – оформите заказ. Может быть, вам прямо сейчас все сделают. Оля, будьте любезны, займитесь клиентом!

Оля засеменила на свое рабочее место, успев, впрочем, бросить на Майю долгий странный взгляд. Майя все еще ничего не понимала. Она поплелась за лысым, даже не спросив, кто

он и чего от нее хочет. Единственным ее желанием был немедленный побег с поля боя. Бежать – и не вступать больше в прямой контакт с вероятным противником.

Кабинет оказался крошечной комнатухой, где едва помещался письменный стол и два кресла – для хозяина и гостя. Еще в комнате был большой красивый современный сейф, а на стене висел пейзаж в затейливой рамочке. И все. Лысый мужчина сел в кресло и сделал Майе приглашающий жест – садитесь, мол, девушка, не стесняйтесь. Она уселась на самый краешек, ожидая, что же будет дальше. А дальше началось странное.

– Вы меня, конечно, извините, – очень вежливо произнес хозяин маленького кабинета, – как вас зовут?

– Зачем вам? – Майя насторожилась. – И вы, собственно, кто такой?

– Я, – так же вежливо ответил мужчина, – заместитель генерального директора фирмы по производству и техническому обеспечению. Ведаю всей материальной частью, а также персоналом. Зовут меня Николай Степанович Ковров. Теперь я могу узнать ваше имя?

– Зачем? – упрямылась Майя.

Мужчина едва заметно улыбнулся и теперь уже вроде не печально.

– Должен же я как-то обращаться к вам? Я ведь представился, так что давайте будем взаимно вежливы.

– Нателла, – выдавила Майя, не очень понимая, почему соврала.

– Не похоже, – констатировал лысый Николай Степанович, внимательно поглядев на нее, и тяжело вздохнул. – Ну да ладно. Паспорт я проверять не буду, пусть это останется на вашей совести.

– Вы не милиция, чтобы проверять, – буркнула Майя, почувствовав, что краснеет.

– Я не милиция, но мог бы вызвать ее, учитывая, что вы тут вытворяли.

– Да ничего я не вытворяла, – обиделась Майя. – Это ваша Оля меня полчаса выслушать не могла, а потом выслушала и как будто с ума сошла – бросилась бежать куда-то, по дороге кресло опрокинула...

– Не куда-то, а ко мне, – мягко возразил Николай Степанович, – и то после того как... Впрочем, давайте по порядку. Что, собственно, вас сюда привело?

– Да объясняла же я этой вашей!..

– Правильно ли я понял, что вы искали Алексея Петровича, чтобы...

– Я не искала никакого Алексея Петровича! Я не знаю, кто это! Мне нужен мастер, который приходил к моей сосед... Тьфу! Тете! Чинить замок приходил, она его вызвала. И теперь хочет отблагодарить, спасибо сказать! И я тоже. После тетиных рассказов о том, какой хороший мастер, я тоже захотела починить все свои замки!

– У вас их много? – поинтересовался лысый. – И все сломанные?

– Вы издеваетесь? – прошипела Майя, которой этот вежливый допрос изрядно надоел.

– Ничуть, – глядя на нее строго и печально, сказал Николай Степанович, – и дело, собственно, не в вас. Я допускаю, что причина, по которой вы разыскиваете Алексея Петровича, именно та, о которой вы рассказали...

– Да не знаю я никакого Алексея Петровича!

– Вы – может быть, но ваша тетя... Или соседка? – Лысый вопросительно выгнул бровь.

– Тетя! Но почему она должна знать какого-то Алексея Петровича? Я же сказала, что моя со... Господи, да что же это!!!

– Это, как мне кажется, результат не очень убедительного вранья, – очень спокойно заметил зам по производству. – Может быть, вы все-таки расскажете, зачем вам понадобился Южин?

Тут Майя, которую бросало то в жар, то в холод, просто взорвалась:

– Какой, к черту, Южин?! Вы в своем уме? То Петрович какой-то, то Южин! Про кого еще спросите?

– Послушайте, я как раз пытаюсь вам все объяснить. Интересующий вас заказ выполнял очень хороший мастер, один из лучших наших специалистов. – Лысый странно вздохнул и примолк.

– Ну, ну, – подстегнула его заинтригованная Майя.

– Про таких говорят «золотые руки». – Мужчина опять сделал паузу и заметно погрузился. – В общем, это был Алексей Петрович Южин. Мастер, которого вы искали.

Майя буквально застонала:

– А почему нельзя мне было сразу об этом сказать? Что это за военная тайна?

– В общем-то, не тайна. Как бы тут поделикатней... Но, пожалуйста, скажите правду – зачем он вам понадобился? Вы вообще его лично знали?

– Я же говорю, тетка вызвала замок чинить. – Майя постепенно стала оживать. Теперь ей казалось, что ситуация, которая вроде бы безнадежно вышла из-под контроля, вновь становится управляемой. – Тете про вашу контору знакомые рассказали, порекомендовали, так сказать. А мастером этим она была просто очарована. Но сердце прихватило от избытка чувств – не смогла как должно отблагодарить, рассказала мне – я решила ее просьбу исполнить, передать большое спасибо, а заодно и свои замочные проблемы решить.

Лысый, словно продолжая испытывать ее нервы на прочность, задумчиво уставился в окно и смотрел туда довольно долго. Затем, будто очнувшись, тряхнул головой и бесстрастно промолвил:

– Я бы очень хотел, девушка, чтобы все вами сказанное было правдой. Только ваши благодарности Алексею Петровичу ни к чему.

– Я понимаю, – затараторила Майя, решив, что лысый намекает: «спасибо», мол, в стакан не нальешь. – Я и хотела деньгами или бутылочку там... Хотя, простите, вы как начальство, наверное, не приветствуете такое?

– Не приветствуем. Хотя Алексей Петрович любил это дело весьма... Его и не выгоняли лишь потому, что мастер исключительный.

– Любил? Он что, завязал?

– Он умер.

– Простите?

– Умер.

– Что значит «умер»?

– Умер – это значит, что Алексея Петровича Южина больше нет в живых. Через три дня похороны.

– Когда же он успел, ведь только что чинил замок у тети...

– Вчера. Поздно вечером.

Майя вдруг поняла, что испытывает человек, на которого «напал столбняк». Некоторое время она пыталась уяснить полученную от заместителя генерального директора информацию. Единственное, что объяснилось, – странное поведение Оли. Как тут реагировать, когда разыскивают по квитанции только что умершего сотрудника. Она ведь и узнала только с утра, незадолго до прихода Майи. Лысому-то, небось, еще ночью сообщили. Жена, дети или кто там был у этого бедного Южина.

Видимо, вся эта ее внутренняя борьба отражалась на лице, потому что Николай Степанович вдруг заинтересовался:

– Вы ведь меня о чем-то хотите спросить?

– Если можно...

– Можно. Вам прислать другого мастера починить ваши многочисленные сломанные замки?

– Да, конечно... Потом... Я позвоню. А отчего он умер?

– Несчастный случай.

- А подробнее не можете?
- Если вы объясните, зачем вам эта информация.
- Я же вам все сказала!
- Тогда будем считать, что и я все сказал. До свидания! Да, кстати. Мне кажется, вы неплохая девушка, хотя версия вашего появления здесь не показалась мне убедительной. И тем не менее всего доброго!
- А... – открыла было рот Майя, но лысый решительно поднялся из-за стола:
- Всего доброго!
- До свидания, – пробормотала Майя и направилась к выходу.

* * *

За стойкой принимал посетителей и отвечал на звонки какой-то молодой человек, приемщицы Оли нигде видно не было. Странное семейство во главе с могучей теткой также отсутствовало – то ли горю смогли быстро помочь, то ли легендарный замок нуждался в более длительном, стационарном, лечении. А может, его уже выбросили на ближайшую помойку и тетка в настоящий момент шарит по Интернету в поисках оружия для кровавой расправы над вандалами. Зато добавилось другого пришлого люда – дела в «Ключнике» действительно шли неплохо. «Жаль, Оли нет, хоть бы извиниться перед бедняжкой. Ей столько пришлось пережить из-за меня». Майя невесело усмехнулась. Думать о том, что сейчас она предстанет перед светлы очи шефа и порадует его рассказом о смерти потенциального свидетеля, о своих безумствах и позорном изгнании из офиса, ей совсем не хотелось.

Уже выходя из подъезда, она увидела Олю, которая сидела на лавочке и задумчиво курила. Майя присела рядом и уже собиралась произнести прочувствованную речь в свое оправдание, но Оля демонстративно отвернулась – вне офиса она не была обязана вежливо реагировать на всяких агрессивных дамочек. Тогда Майя решила пойти самым простым и естественным путем – она дружески коснулась ее руки и сказала:

– Оля, вы извините меня, пожалуйста. Я и сама не знаю, что на меня нашло. Извините. А насчет Южина я ведь не знала, мне про него ваш этот, лысый, рассказал.

– Николай Степанович, – вяло откликнулась Оля, но все-таки слегка развернулась. – Он и сам только ночью узнал, ему жена Южина позвонила. Господи, до чего жалко! Такой дядька был – добрый, веселый. Ну пил, так что? А какой мастер! Жалко. Так жалко!

Ее глаза наполнились слезами.

– Слушай, пошли кофе выпьем, – предложила Майя, – тут недалеко была такая симпатичная кафешка, я проходила.

– Не могу, меня там пока Паша подменяет, но вообще-то у него своей работы полно. Спасибо, я бы с удовольствием.

– А давай я вечером подъеду, посидим где-нибудь? А то мне очень неловко после всего...

– Да ничего, – улыбнулась наконец Оля, – не переживай. Сегодня я не могу, а так, будет желание, приезжай. Правда, посидим где-нибудь, Алексея Петровича помянем. Ты его вообще-то знала?

– Нет, только слышала о нем много хорошего. Но помянуть надо. А что, у него сердце большое было?

– Да что ты! Здоровый мужик, старая закваска, хоть и пил. Тебе Николай Степанович не сказал? Это несчастный случай.

– Не сказал.

– В общем, со слов жены, шел он поздно вечером домой, с работы. Как обычно, веселый. Видимо, в темноте не заметил, что строительные работы идут. Там траншею рыли, он и

упал, прямо на торчащую арматуру. И – насквозь. В общем, тихий ужас. Бедный Алексей Петрович!

Олин голос задрожал.

– А сколько ему было? – спросила Майя инстинктивно, еще не понимая, как важна будет эта информация в самое ближайшее время.

– Шестьдесят пять исполнилось месяц назад, только справляли. Ну ладно, я побегу! Ты заезжай как-нибудь.

– Обязательно! Пока. И извини.

* * *

Опять несчастный случай! Неужели снова чей-то злой и тонкий расчет?

Майя представила, как докладывает Сильвестру о случившемся, и поняла, что информации для выводов явно маловато. На некоторые вопросы не было ответов. Она решила, что должна поехать к покойному Южину домой и на месте выяснить, что и как произошло. К тому же, подумала она, полезно узнать, что напишут в заключении, какую укажут причину смерти. Однако хорошо сказать – съездить домой. Адреса у Майи не было, и взять его было негде. Она слышала, что существуют такие базы данных на всех людей, с адресами, телефонами и так далее. Но где ими разжиться вот прямо сейчас и можно ли вообще доверять этим левым продуктам, Майя не знала. Воспользоваться едва установившимися отношениями с Олей? Слишком рискованно, она ведь обязательно спросит, зачем это. А то еще доложит своему лысому начальнику, и тот позвонит в милицию. Ужас. Но, по всем законам ассоциативного мышления, вслед за словом «милиция» услужливая память подбросила спасительное – Стас Половцев.

Дозвониться ему оказалось не так просто – мобильный унылым голосом вещал о том, что «абонент временно недоступен», а городской был постоянно занят. Но именно городской сдался первым.

– Половцев, слушаю вас! – рявкнули на том конце, и Майя вздрогнула.

– Добрый день, Стас, это вас беспокоит помощница Сильвестра Бессонова Майя Долина.

– А, – откликнулся заметно поскучевший голос, – у вас что-то срочное? Я сейчас очень занят.

Первым желанием Майи было дать занятому человеку возможность спокойно трудиться. Она хотела уже положить трубку, предварительно извинившись за беспокойство, но тут же представила разочарованное лицо Сильвестра и мгновенно приняла решение:

– Срочнее не бывает, будьте любезны, выслушайте меня прямо сейчас!

Он, кажется, чертыхнулся – или ей показалось? – отрывисто бросил:

– Подождите минутку, я разговор закончу, у меня тут люди.

Разговор продолжался минут пятнадцать и больше походил на чемпионат России по трехэтажному мату в закрытых помещениях. Люди в комнате у Половцева, да и сам он тоже, не стеснялись в выражениях, а прикрыть ладонью мембрану Стас не потрудился, так что Майя значительно расширила свои познания в области ненормативной лексики.

– Слушаю, что там у вас? – соизволил он наконец начать разговор с терпеливо ждущей Майей.

– Это ваша минута?

– Извините. Так что стряслось?

– Пока не знаю, но очень прошу вас помочь. Можете достать адрес одного человека?

– Зачем еще? – подозрительно спросил Половцев.

– Надо проверить одну гипотезу, – начала Майя.

– А при чем тут я? – грубо прервал ее Стас.

– Ну как при чем? Это же вы натравили на нас Тоню Потапову. И теперь Сильвестр вынужден шевелить мозгами. А я – ногами. Мне надо подъехать и поговорить с одним человеком, который, как считает мой шеф, может быть нам полезен.

Говорить про трупы и несчастные случаи она пока не хотела – в этом случае помощи от Стаса ждать не приходилось точно. Тот долго молчал, потом стало слышно, как чиркнула зажигалка.

– Черт с вами, диктуйте. Говорите. Имя, отчество, фамилия. И обязательно – год рождения, лучше – с месяцем.

Вот когда Майя порадовалась полученной от Оли информации!

Стас пообещал разобраться в ближайшее время. И не соврал – сам позвонил и в своей обычной склочно-ворчливой манере выдал нужный адрес и на всякий случай домашний телефон. «Видимо, в милицеских справочных, или где он там берет информацию, еще нет сведений о смерти Южина», – с облегчением подумала Майя.

– Будем считать, что наша прошлая встреча вычеркнута из протокола. Согласны? – напоследок спросил Половцев.

Видимо, следовало понимать его помощь как своего рода извинение за развязное поведение возле отделения милиции.

– Ладно, – согласилась Майя и направилась на место печальных событий – к дому Алексея Петровича Южина, на Волгоградский проспект.

* * *

Дом Южина Майя разыскала без особых хлопот, но прежде чем войти в нужный подъезд, ненадолго приостановилась. Стоило хорошенько обдумать, как повести разговор с женщиной, которая только что потеряла мужа. Но, так и не решив, в какой тональности общаться – в умеренно-мажорной или сдержанно-минорной, и надеясь на вдохновение и банальное везение, Майя стала жать кнопки домофона.

– Кто там? – раздался неожиданно энергичный женский голос.

– Мне нужен Алексей Петрович, я методист районного детского клуба.

Майя была уверена, что какой-нибудь детский клуб в огромном московском районе должен быть. В домофоне громко вздохнули:

– Зайдите, а то не по-людски как-то...

Раздалось противное пиканье, и Майя потянула входную дверь, готовясь к тяжелым моральным испытаниям.

Квартира Южиных располагалась на втором этаже, так что пользоваться лифтом не пришлось. Искать квартиру тоже – нужная дверь была открыта, а на пороге стояла крепенькая бабушка в черной кофте и черной же старомодной юбке, на ногах – мягкие красные тапки. Седые волосы были уложены в замысловатый крендель. Бабушка внимательно следила за Майиным подъемом по лестнице.

– Извините... – начала было та, но женщина в черном прервала ее:

– Чего там, это ты нас извини – умерли мы. Так что помочь ничем не можем.

– Кто это «мы»? – перепугалась Майя.

– Алексей Петрович умер. Так что не обессудь, дочка. А тебе он зачем нужен-то был? Сломалось что?

– Нет, видите ли... А вы жена Алексея Петровича?

– Сорок три года была женой. А теперь, видишь, вдова.

– Извините... – снова начала Майя, не зная, как приступить к главному.

– Да что ты извиняешься все! Проходи в дом, расскажешь, что там у вас стряслось.

Майя хотела сказать, что стряслось не у нее, а как раз у Южиных, но опять упустила нужный момент. Уже пройдя в квартиру, она отметила, что никаких суперзамков в доме замечательного мастера не было. Присев в кухне на предложенный табурет, вдруг сообразила, что и сама не представилась, и не спросила, как зовут энергичную вдову.

– Зовут меня Анна Сергеевна, а ты кто? – Инициатива явно принадлежала хозяйке дома.

– Я, видите ли, из детского клуба, – проблеяла Майя, уклоняясь от предложения назвать себя. – Мы проводим конкурс «Мастер «Золотые руки», вот хотели Алексея Петровича пригласить в жюри. Но я не знала...

– Да, – прервала ее Анна Сергеевна, – это Лешка мог, золотые у него были руки, все чинил, не было для него секретов. И ребят мог научить, все жалел, что времена такие настали – не хотят работать, в бандиты идут, за легкими деньгами. А вы, значит, как Дом пионеров?

– Что-то типа этого, – поддакнула Майя.

– Понятно. Опоздали вы, вчера умер. Шел-шел и свалился в траншею, ее уже месяц здесь копают, в магазин приходится ходить через соседний двор.

– А почему свалился? В темноте не увидел?

– Наверное, в темноте, но он же и хорош уже был, так что скорее с пьяных глаз. Пил, покойник, царствие ему небесное!

Вдова энергично перекрестилась.

Анна Сергеевна принадлежала к тому счастливому типу людей, которые все, включая смерть, воспринимают философски. «Бог дал, бог взял», «От судьбы не уйдешь» и «Все там будем», – выражения, которые она часто и со вкусом употребляла.

Анна Сергеевна охотно рассказала госте, что нашли ее мужа случайно ребята, зачем-то полезшие в эту траншею.

– С девками со своими бесстыжими небось полезли или пиво пить! – ядовито заметила Анна Сергеевна. – Потом милиция, следовательно тут у меня сидел до утра, протоколы составлял. Соседи не спали – приходили, помочь хотели. А что тут помогать? Леша уже не поможет, а я еще крепкая, сама справлюсь. Вот похороны надо организовать, чтобы все правильно было. Но это мне подружки подсобят и родственников у нас, слава богу, много, да ребята наши – у нас сыновей двое.

– А Алексей Петрович, что, ударился чем? – тихонько подправила разговор в нужное направление Майя.

– Ударился он головой о железную трубу, расшиб здорово, но еще и на штырь железный напоролся, насквозь железка прошла, сердце задела.

Анна Сергеевна скорбно замолчала, но, к счастью, не заплакала.

– А что милиция говорит?

– Говорит, несчастный случай. Получил травмы, несовместимые с жизнью. Ну, вроде как сам виноват. А, – махнула она рукой, – пьяный всегда виноват. Да какая теперь разница – человека-то нет.

– А он всегда так поздно возвращался?

– Частенько. У него же заказчиков было пропасть.

– Может, ограбили? – подкинула дровишек в угасающий разговор Майя.

– Да у него денег с собой бывало от силы сто-двести рублей. Я ему больше и не давала. Он мне все до копейки приносил, даже те, что ему в благодарность люди давали. Боялся, пропьет. Кошелек его был на месте, там тридцать рублей оставалось.

– Получается, что не все деньги?

– Конечно, не все. А пил-то на что? Он за чужой счет не любил. А может, еще и на бананы потратил, будь они неладны. Или книжку эту дурацкую.

– Какие бананы? – вздрогнула Майя. – При чем тут бананы?

– Да в сумке его, с инструментами. Он же без нее никуда. Мне все его вещи милиционеры принесли. Опознать надо было. Ну, сумку я опознала, и инструменты его мне как родные – столько-то лет он с ними ходит! А там еще пяток бананов лежал сверху и книжка, странная такая, может, из заказчиков кто отблагодарил, а то и сам догадался – у него бывали иногда фантазии. Я милиционерам говорю – оставьте эту книжку себе, не наша она. И бананы мы не едим, не приучены. А они говорят – если бы здесь был криминал, то оставили бы как доказательства, а так в каких-то бумагах написали про них и мне вернули вместе со всеми Лешиными вещами и документами.

– А почему книжка странная? – развивала тему Майя, понимая, что времени у нее осталось совсем немного, скоро начнут собираться родственники и обещанные подружки Анны Сергеевны. Странно, что еще никого, да и телефон не разрывается.

Словно подслушав ее мысли, где-то в комнате начались звонки.

– Я сейчас, – сказала Анна Сергеевна. – А ты посмотри пока, если интересно. – Она обернулась, отдернула занавеску, и Майя увидела на подоконнике потертую спортивную сумку с эмблемой московской Олимпиады а-ля советские восьмидесятые. Это и была та самая сумка с инструментами. Рядом лежала книга небольшого формата.

Анна Сергеевна ушла, а Майя встала и подошла ближе. Брать в руки эти вещи она не решилась – от них как будто веяло смертельным холодком. Обложка книги была украшена восточной гравюрой – то ли японской, то ли китайской – и несколькими замысловатыми иероглифами. По диагонали из левого угла вниз шло название – «Спящая». Затерявшееся за всем этим великолепием имя автора Майя разглядела не сразу. А разглядев, поперхнулась: Банана Ёсимото.

Сообразив, что может в точности не запомнить, она достала приготовленные еще до визита в «Ключник» ручку и блокнотик и быстро переписала все, что было на обложке, попыталась даже перерисовать гравюру, но эксперимент не удался.

Вот теперь ей было что доложить Сильвестру. Майя тихонько вышла в коридор и заглянула в комнату. Анна Сергеевна громко обсуждала с кем-то детали предстоящего печального обряда. Увидев, что гостя собралась уходить, она прервала разговор и крикнула:

– Давай я тебя хоть чаем напою, ведь голодная небось!

Но Майя, быстро пробормотав все полагающиеся в таких случаях слова и махнув на прощание рукой, быстро ретировалась через так и оставшуюся незапертой входную дверь.

* * *

Сильвестр Бессонов молча расхаживал по комнате из угла в угол. Хожение продолжалось уже минут двадцать. Майя все это время молча сидела в кресле, стараясь не подавать признаков жизни, – понять, доволен шеф ее работой или нет, она так и не смогла.

Что же касается Сильвестра, то сбивчивый и местами противоречивый, однако эмоциональный и достаточно информативный доклад помощницы заставил его серьезно задуматься.

Версию о случайной гибели слесаря-универсала он отмел сразу. Такие совпадения бывают только в кино, и то когда сценарист ленив и бездарен. Единственный возможный свидетель умирает буквально через несколько дней – ха-ха! И снова бананы! Да еще книга с подходящим именем автора.

Тропический фрукт в качестве декоративного элемента каждой из смертей – случайность? Нет, слишком бросается в глаза. Особенно у Южина. Но что это означает? Визитная карточка преступника? Типа «Черная кошка»?

Несчастный случай с Южиным все же мог бы остаться для Бессонова таковым, если бы не вызывающе кричащая банановая тема. Преступник бравирует, издевается, рискует, но зачем? Кто он – маньяк, параноик или, напротив, холодный и расчетливый ум, выстраивающий свою,

пока неведомую Сильвестру тонкую игру. В какой-то момент мелькнула мысль – а если преступник узнал о расследовании, которое затеяли сыщики-любители, и демонстративно вмешался, устроив Бессонову весь этот криминальный мастер-класс?

«Посмотрим, – разозлился он. – Это мы еще посмотрим. Если со мной хотят поиграться, то я не против. – И мысленно обратился к неведомому противнику: – Не обижайся, дружок, но в конце игры я постараюсь сделать так, чтобы ты подавился своими бананами». Вслух он, естественно, ничего такого не сказал, а лишь промолвил, пристально глядя Майе в глаза:

– Это вызов, и мы принимаем его. Готовься, будут сражения.

– Я готова, – бодро откликнулась Майя, но внутри у нее все сжалось: таким жестким и решительным своего шефа она еще не видела.

* * *

Звонок Бессонова застал Тоню врасплох – она собралась немного развеяться и хоть ненадолго забыть печальные события последних дней. И удивилась, когда Сильвестр попросил у нее ключи от квартиры Андрея.

Любое напоминание о существовании этой квартиры теперь вызывало у нее лишь отвращение. Ее и так следователь измучил вопросами и намеками – уж не пришла ли она своего любвеобильного и щедрого жениха из-за жилплощади.

Ситуация действительно была более чем странная. Андрей, обладавший весьма своеобразным характером и к тому же обуреваемый чувствами, сделал широкий и абсолютно нелогичный, с обывательской точки зрения, жест: сразу после помолвки завещал невесте и будущей законной супруге свою квартиру. Кто теперь поверит, что никакие Тонины увещевания на него тогда не подействовали. То ли он хотел таким способом крепче привязать ее к себе, то ли произвести впечатление своей безудержной щедростью, но факт остается фактом – Тоня стала единственной наследницей абсолютно одинокого Андрея, даже не будучи официальной женой. Следователь так ей и заявил: «Ваше счастье, что у вас стопроцентное алиби и вы постоянно были на виду». Хотя какое тут счастье – Андрея убили!

Кроме того, наверняка в ее пользу было то, что она – человек вполне обеспеченный, в том числе и хорошим жильем, к тому же прямая и единственная наследница весьма небедного дяди. И убивать собственного жениха из-за средненькой в принципе квартиры ей явно было незачем. Хотя, как заметил тот же следователь: «У нас всякое случается, из-за швейной машинки убивают».

На вопрос Тони, зачем ему понадобились ключи, Сильвестр заявил: «Не телефонный разговор. Приезжайте, расскажу». Скрепя сердце Тоня согласилась, но одной ехать ужасно не хотелось. Бессонову, казалось, было все равно.

– Хотите, приезжайте все вместе, – бросил он напоследок, имея в виду, вероятно, ее друзей.

Вот как получилось, что примерно через час компания в полном составе – Тоня, Шура и ставший их верным спутником Костя Чихачев – старательно вытирала ноги о свеженькую розовую тряпку в квартире Бессонова под бдительным надзором Майи и самого хозяина.

– Мы на минутку, – с порога заявила Тоня, пытаясь свести неприятную для нее процедуру к минимуму. – Вот ключи. Этот, покороче, от верхнего замка, а длинный – от нижнего. А этот – от домофона, и так понятно. Адрес вот, я на бумажке написала. Вроде бы все.

– Как сказать, – пристально посмотрел на нее Сильвестр. – А вы не хотите узнать, для чего мне понадобились ключи?

– Хочу.

– Тогда, может быть, присядете? Поговорим.

– Хорошо, – вздохнула Тоня.

Они гуськом потянулись в комнату и расселись кто куда – Тоня в кресло, Шура и Костя на диван, Майя пристроилась на маленьком пуфике у окна. Бессонов же стал вышагивать по комнате по своему излюбленному маршруту – из угла в угол.

Рассказ о смерти Южина, информация, которую удалось добыть Майе, а также умозаключения Сильвестра и его оценка происшедшего произвели на слушателей сильное, но не одинаковое впечатление.

Майя, для которой все рассказанное шефом новостью уже не являлось, внимательно разглядывала гостей. Тоня сидела как неживая, оцепенев от ужаса, и смотрела неподвижным взглядом в одну точку перед собой. Костя вел себя по-мужски сдержанно, пытаясь всем своим видом поддержать женщин и показать, что в его присутствии им ничто не угрожает. Впрочем, Майя заметила, что он не так спокоен, как хочет казаться. То вдруг начнет постукивать ногой по полу, то, подобно мальчишке, кусать ноготь на правой руке. Правда, заметив, что на него смотрят, сразу же переставал и вроде бы даже смущался.

Интереснее всего вела себя Шура. Было заметно, что бойкая барышня потрясена услышанным и силится понять, чего или кого сейчас нужно опасаться. При этом она слишком часто бросает взгляды на Костю. Гораздо чаще, чем на Бессонова или подругу Тоню.

«Запала на парня, не иначе, – вдруг подумала Майя. – И, кажется, не вполне понимает, что фоном для возможного романа станут реальные преступления и даже смерть людей». Но долго размышлять на эту тему не пришлось.

– Теперь вы все знаете, – подвел итог своего выступления шеф. – Понятия не имею, что будет дальше, только понимаю, что необходимо решительно вмешаться и поломать чью-то преступную игру. Я попытаюсь это сделать. Для начала мне нужно осмотреть завещанную вам, Тоня, квартиру.

Она очнулась от тяжелого раздумья.

– И что вы там надеетесь найти?

– Пока не знаю. Во всяком случае, как только у меня появится информация, я расскажу вам.

Проводив гостей, Бессонов стал вслух размышлять о том, как он поедет на квартиру Фофанова. Что нужно с собой взять, когда вызывать машину... В приготовлениях Майя принимала самое деятельное участие – шеф продумал все до мелочей. Только вот мелочей этих оказалось очень и очень много. Впрочем, как всегда.

Глава 9

– Предлагаю поймать такси, – сказал Костя дамам, которые молча шли по левую и правую руку от него.

Поведанная Сильвестром Бессоновым история о погибшем слесаре подействовала на всех угнетающе.

– А я думаю, стоит прогуляться, – не согласилась с ним Шура. – Нужно как-то все это переварить и дать мыслям утрястись. Нам всем не мешает глотнуть свежего воздуха.

– Да, давайте прогуляемся, – потерянно согласилась Тоня. – А то мне что-то не по себе.

Костя искоса посмотрел на нее:

– Страшно вот что. От этого преступника не знаешь, чего ждать. Твоего... жениха, – он с трудом выдавил из себя неприятное слово, – убили весьма виртуозным способом. Убийство, замаскированное под несчастный случай, – не рядовое дельце. А смерть слесаря? Если милиция и это признает несчастным случаем...

– По крайней мере, можно надеяться, что нас не застрелят из винтовки с лазерным прицелом, – заявила Шура, притормозив возле ларька с мороженым.

– Шура, нет, – прошипела Тоня, дернув ее за руку.

– А я и не собиралась, – пожала плечами подруга, оторвав жадный взор от клубничного пломбира. – Предлагаю пойти на компромисс. Доберемся до метро пешком – это примерно три автобусных остановки. Можно срезать наискосок – там есть парк, а гулять среди зелени полезно для здоровья.

Однако прежде чем попасть в парк, им пришлось поплутать по незнакомым переулкам, которые перетекали один в другой, пересекались и путались. Некоторые заканчивались тупиками, и в конце концов троица окончательно потеряла ориентацию в пространстве.

– Ты же сказала, что знаешь, как пройти, – попеняла Тоня. Она не любила незнакомых мест, а Москва стала такой огромной, что каждый район можно было считать отдельным маленьким городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.